

Культура

И ЦИВИЛИЗАЦИЯ (Донецк)

Выпуск 3 (25)
2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN 2522-9788

Культура

И ЦИВИЛИЗАЦИЯ (Донецк)

Выпуск № 3 (25)
2025

Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. Издаётся с 2015 г. Периодичность издания: 4 раза в год.

Форма распространения: электронное периодическое издание

Включён в наукометрическую базу РИНЦ. Договор с РИНЦ № 425-07/2016 от 14.06.2016г.

Включён в электронную библиотеку и наукометрическую базу CYBERLENINKA. Договор № 33919-01 от 31 октября 2018 г.

В журнале публикуются научные статьи и материалы, освещающие философские и политологические исследования проблем культурного и цивилизационного развития современного общества, вступившего в фазу острого кризиса своих основ.

Учредитель и издатель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный технический университет».

Редакция журнала:

Главный редактор – Т. Э. Рагозина, доктор философских наук;

Заместитель главного редактора – С. В. Дрожжина, доктор философских наук;

Ответственный секретарь – А. В. Гижа, кандидат философских наук.

Члены редакционной коллегии:

Г. В. Драч, д. филос. наук; В. П. Римский, д. филос. наук; С. П. Поцелуев, д. полит. наук; Каролус Виммер, д. полит. наук; А. И. Атоян, д. филос. наук; Т. В. Лугуценко, д. филос. наук; Андриенко Е. В., д. филос. наук; В. М. Шелюто, д. филос. наук; А. С. Армен, к. филос. наук; Б. И. Молодцов, к. филос. наук; Н. А. Басенко, к. полит. наук; С. И. Сулимов, д. филос. н.; И. В. Черниговских, к. филос. наук; М. М. Кухтин, к. полит. наук.

Адрес редакции: Донецкая народная Республика, 83001, г. Донецк, ул. Артёма, 96, ФГБОУ ВО «ДонНТУ», 3-й уч. корпус, кафедра философии. Тел.: +7-949-334-9416.

Эл. почта: tatyana.ragozina@list.ru **Internet:** <http://cic.sgi.donntu.ru>

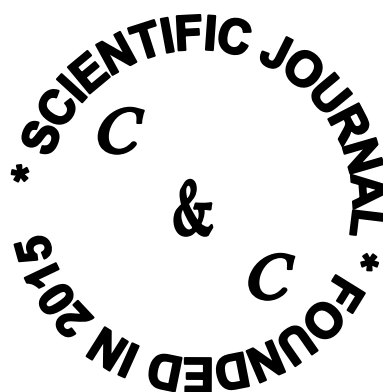
Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики. Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000143 от 20.06.2017.

За содержание статей и их оригинальность несут ответственность авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Подписано к печати по рекомендации Учёного Совета ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет». Протокол № 8 от 26.09.2025 г.

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«DONETSK NATIONAL TECHNICAL UNIVERSITY»

ISSN 2522-9788

Culture

& CIVILIZATION (Donetsk)

Issue № 3 (25)
2025

Culture and Civilization (Donetsk). Scientific journal. Published since 2015. Published 4 per year.

Circulation type: online periodical magazine

Included into scientific database of Russian Index of Scientific Quotations (RISQ). Contract with RISQ no 425-07/2016 dd 14.06.2016.

Included into e-library and scientific database of CYBERLENINKA. Contract with CYBERLENINKA № 33919-01 dd 31.10.18

The Journal is devoted to publishing of scientific articles and materials in the field of philosophic and political sciences' problems of cultural and civilizational development of modern society, which has entered the stage of severe crisis of its basics.

Founded and published – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Donetsk National Technical University".

Editorial Board of the Journal:

Editor-in-Chief – T. E. Ragozina, Dr. of Philosophical Science;

Deputy Editor-in-Chief – S. V. Drozhzhina, Dr. of Philosophical Science;

Executive Secretary – A. V. Gizha, Candidate of Philosophical Science.

Members of the editorial board:

G.V. Drach, Dr. of Philosophical Science; V.P. Rimsky, Dr. of Philosophical Science; S.P. Potseluev, Dr. Political Science; Carolus Wimmer, Dr. Political Science; A.I. Atoyan, Dr. of Philosophical Science; T.V. Lugutsenko, Dr. of Philosophical Science; Andrienko E.V., Dr. of Philosophical Science; V.M. Sheliuto, Dr. of Philosophical Science; A.S. Armen, Candidate of Philosophical Science; B.I. Molodtsov, Candidate of Philosophical Science; N.A. Basenko, Candidate of Political Science; S.I. Sulimov, Dr. of Philosophical Science; I.V. Chernigovskikh, Candidate of Philosophical Science; M.M. Kukhtin, Candidate of Political Science.

Editorial office's address: Donetsk People's Republic, 83001, Donetsk, Artema str., 96, Donetsk National Technical University, 3rd Campus, Philosophy Chair. Tel.: +7-949-334-9416.

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru **Internet:** <http://cic.sgi.donntu.ru>

The journal is registered by Ministry of Information of Donetsk People's Republic.
The Certificate on registration of mass media № 000143 dd 20.06.2017

Contents and originality of the articles are of the authors' responsibility. The editors' opinion may differ from that of the authors'.

7Signed to publishing according to recommendation of the Scientific Board of «Donetsk National Technical University». Protocol № 8 dd 26.09.2025.

© Donetsk National Technical University

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

(Донецк)

Научный журнал
Основан в 2015 году
Выходит 4 раза в году
№ 3 (25) / 2025
ISSN 2522-9788

СОДЕРЖАНИЕ

Ф и л о с о ф и я		
Г и ж а А. В.	Национальные интересы государств периода позднего капитализма	7
Г о р б а ч ё в К. П.	Историко-материалистическая концепция происхождения и сущности государства Ф. Энгельса и её роль в современном мире	18
М и р г о р о д с к и й А. А.	Труд как объективный субъект истории в свете преемственности культурно-исторического процесса	26
К о з л ю к Д. В.	Социальный идеал и типология человека: диалектическая концептуальность	36
П о л и т и ч е с к и е н а у к и		
А р м е н А. С.	Глобальные кризисы капитализма и их социальные последствия	46
К у х т и н М. М.	К политической экономии искусственного интеллекта	57
Теория и история культуры, искусства		
О т и н а А. Е.	Поиски духовно-нравственного идеала в зеркале русской поэзии начала XX-го века. Часть II	66
О к о р о к о в М. Д., С т р а х о в а М. И.	Фестиваль как форма народного творчества: от сохранения наследия к созданию нового образа территории	79
П р и л о ж е н и я	Образец оформления статьи	89

CULTURE & CIVILIZATION

(Donetsk)

Scientific journal

Founded in 2015

Published 4 per year

No. 3 (25) / 2025

ISSN 2522-9788

R E S E A R C H

P h i l o s o p h y		
G i z h a A. V.	National interests of States in the period of late capitalism ...	7
G o r b a c h e v K. P.	The historical-materialistic conception of the origin and essence of the state by F. Engels and her role in the modern world	18
M i r g o r o d s k i y A. A.	Labor as an objective subject of history in the light of the continuity of the cultural and historical process	26
K o z l y u k D. V.	Social Ideal and Human Typology: Dialectical conceptuality	36
P o l i t i c a l s c i e n c e s		
A r m e n A. S.	Global crises of capitalism and their social consequences	46
K u k h t I n M. M.	Towards the political economy of artificial intelligence	57
T h e o r y a n d h i s t o r y o f c u l t u r e , a r t		
O t i n a A. E.	The Search for a Spiritual and Moral Ideal in the Mirror of Russian Poetry at the Beginning of the 20th Century. Part II	66
O k o r o k o v M. D., S t r a k h o v a M. I.	The festival as a form of folk art: from preserving the heritage to creating a new image of the territory	79
A n n e x e s	Examples of articles' design	89

ФИЛОСОФИЯ

УДК 321.022

А. В. Гижя

(кандидат философских наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая народная республика, РФ)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВ ПЕРИОДА ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению современных подходов в научной литературе к исследованию понятия «национальные интересы». Автор утверждает, что существующие трактовки, зачастую опирающиеся исключительно на официальные документы, игнорируют классовую сущность государства, скрывая подлинные интересы правящей буржуазии. Подчеркивается, что для раскрытия истинного содержания национальных интересов необходим научный анализ, основывающийся на марксистской методологии. Автор выделяет два аспекта понимания национального интереса: государственный и научный, подчеркивая необходимость преодоления упрощенных представлений о национальном интересе как прямой трансляции целей верховной власти, и показывая, как идеологическое обслуживание капитала маскирует реальные цели под видом общечеловеческих ценностей. В итоге автор приходит к выводу, что изучение национальных интересов должно основываться на глубоком философском анализе реальных общественных условий, классовой природы государства и системы воспроизводства господствующей идеологии. Научный подход к рассмотрению вопросов национальной идентичности (безопасности, интересов) невозможен без учета исторической перспективы и признания неизбежности конфликтов внутри общества, порождаемых капиталистической системой хозяйства.

Ключевые слова: государство, капитализм, национальные интересы, ценности, суверенитет, классы, идеология.

A. V. Gizha

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People 's Republic, Russian Federation)

NATIONAL INTERESTS OF STATES IN THE PERIOD OF LATE CAPITALISM

Abstract. This article is devoted to the consideration of modern approaches in the scientific literature to the study of the concept of "national interests". The author argues that the existing interpretations, often based solely on official documents, ignore the class essence of the state, hiding the true interests of the ruling bourgeoisie. It is emphasized that in order to reveal the true content of national interests, a scientific analysis based on Marxist methodology is necessary. The author identifies two aspects of understanding national interest: state and scientific,

emphasizing the need to overcome simplistic notions of national interest as a direct translation of the goals of supreme power, and showing how the ideological service of capital disguises real goals under the guise of universal values. As a result, the author comes to the conclusion that the study of national interests should be based on a deep philosophical analysis of real social conditions, the class nature of the state and the system of reproduction of the prevailing ideology. A scientific approach to the consideration of issues of national identity (security, interests) is impossible without taking into account the historical perspective and recognizing the inevitability of conflicts within society generated by the capitalist economic system.

Keywords: *state, capitalism, national interests, values, sovereignty, classes, ideology.*

Тема национальных интересов государств в последние десятилетия привлекает заметное внимание исследователей и в отечественной традиции представлена большим количеством публикаций, в которых приводится примерный список этих интересов с опорой на «Стратегию национальной безопасности России» [6], а иногда даже возникает попытка дать им понятийное определение. Тем не менее, здесь остаются вопросы принципиального характера, которые нельзя игнорировать, ссылаясь на многофакторную сложность самого понятия «национальные интересы». На взгляд автора, предварительно требуется различение своего рода «двух истин»: одна относится к государственно-политическим структурам, выстраиванию и обеспечению идеального плана их функционирования, другая – к философскому и научному изучению понятий и умозаключений, его образующих.

С этим связан сопутствующий вопрос: где коренится объективная основа этих интересов и в чем она заключается? Он подразумевает раскрытие двух интерпретирующих логик, отвечающих различным формам объективности, соответственно феноменальной, относящейся к функционированию наличной государственной структуры, и сущностной, касающейся довольно эфемерной области общественного блага. В группу вопросов включается и рассмотрение субъекта, формулирующего национальные интересы: насколько управляющая властная верхушка, являющаяся по факту их автором, репрезентативна в этом качестве?

Нас в первую очередь интересует общественно-политическая мысль нашей страны, Российской Федерации. При этом, разумеется, надо знать и предысторию вопроса: когда, где и при каких обстоятельствах данное понятие вообще возникает. Кроме этого, не лишне провести хотя бы беглое сравнение национальных интересов различных государств, в особенности тех, кто находится в состоянии специфической «партнёрской конфронтации». Насколько они разнятся? Возникнет конфликтная ситуация, если эти интересы, прописанные в документах, окажутся близки. Иными словами, развернутое рассмотрение данной темы требует предварительного аналитического прорабатывания необходимых сопутствующих обстоятельств и фактов, которое бы задало определенную степень обоснованности последующих рассуждений. Мы сосредоточимся на рассмотрении сущности современного государства, которая и будет выступать определяющим фактором в анализе понятия

«национальные интересы». Предварительно рассмотрим особенности его толкования в нашей научной литературе.

Можно указать ряд отечественных авторов последнего времени, разрабатывающих тему национальных интересов. О. Г. Карпович и А. П. Волков рассматривают ее в контексте БРИКС [4]. Авторы не проблематизируют её, и определяют искомые параметры не столько научно, как задачу, которую требуется решить, сколько как готовый факт, содержание которого однозначно и понятно, его требуется только донести до читателя. Они опираются на официальную трактовку национальных интересов, последняя версия которых отражена в Указе Президента РФ «О стратегии национальной безопасности» [6].

Шкодинский С. В., Романцова Т. В., Продченко И. А. дают обзор различных трактовок понятия «национальные интересы» в контексте перехода России к шестому технологическому укладу [9]. Шестой уклад опирается на развитие цифровой «экономики», биотехнологий, нанотехнологий, альтернативной энергетики, когнитивных систем. Однако здесь есть очевидный нюанс, который внятно обозначил академик Е. Каблов в интервью, данном еще 15 лет назад: «В США... доля производительных сил пятого технологического уклада составляет 60%, четвёртого — 20%. И около 5% уже приходится на шестой технологический уклад.

— А как обстоят дела в России?

— О шестом технологическом укладе нам говорить рано. Доля технологий пятого уклада у нас пока составляет примерно 10%, да и то только в наиболее развитых отраслях: в военно-промышленном комплексе и в авиакосмической промышленности. Более 50% технологий относится к четвёртому уровню, а почти треть — и вовсе к третьему. Отсюда понятна вся сложность стоящей перед отечественной наукой и технологиями задачи: чтобы в течение ближайших 10 лет наша страна смогла войти в число государств с шестым технологическим укладом, ей надо, образно говоря, перемахнуть через этап — через пятый уклад.

— Насколько это возможно практически?

— При сложившихся формах и методах управления, организации и финансирования работ подобный прорыв осуществить не удастся» [3].

Вывод академика спустя 15 лет не только оправдался, но получил дополнительное обоснование в наличии растущих и системных проблем экономического развития страны, в частности, в отмеченной авиационной сфере. «Перемахивание» через нее в текущих реалиях означает попросту окончательную потерю высоких технологий отечественного авиастроения. В истории возможно ускоренное прохождение этапов развития, а перескоки — например, из феодально-клановых отношений в социализм, минуя капиталистическую формацию, как показала практика Советского Союза, остаются под вопросом относительно их устойчивости.

Таким образом, статья интересна не столько указанным «контекстом», который в реальности еще не оформился в достаточной мере, сколько сводкой пред-

ставлений о национальных интересах, в которой промелькнула их вполне объективная, научная формулировка, разделяемая автором: «...акцентируется внимание на концентрированном выражении целей и интересов политической элиты, обеспечении долгосрочного удержания ими власти за счет формирования минимального набора благ для населения и поддержания внутреннего порядка» [9, с. 79]. Вопрос в определении здесь стоит принципиально следующим образом: или исследователь осознает классовое строение существующего общества с доминированием монополий и интересов крупного капитала, и строит свои заключения исходя из этого непреложного факта, либо он не принимает его во внимание, игнорируя намеренно либо просто не зная.

В первом случае мы видим позицию ученого, действительно видящего и решающего проблему, во втором – не более чем политически ангажированную конъюнктуру. Первое есть твердый и исторически обоснованный научный взгляд марксиста на общество и государство, отступление от которого – при попытке изобразить некое «творческое развитие» марксизма – ведет почти всегда на позиции ренегата и оппортуниста, второе же изначально вращается в псевдонаучных домислах на малосвязанном эмпирическом уровне познания.

Соответственно, основная проблема социальных дисциплин в настоящее время, с точки зрения автора, заключается в указанном расхождении: честность исследовательской мысли требует применения последовательной марксистской методологии в изучении общественного бытия и сознания, материалистического взгляда на историю и общество, но наличные социально-политические условия, определяемые доминирующей властью монополистического капитала, диктуют совершенно иное целеполагание для социальных наук, а именно – идейно-теоретическую и мировоззренческую поддержку и апологию этой власти.

Как осуществить эту апологию, чтобы не вызвать обвинения в ее очевидной надуманности? Иного пути, как и поступали всегда идеалистически настроенные философы, претендующие на хотя бы внешнюю научность и логическую последовательность, нет. Он заключается, во-первых, в полном игнорировании ведущей роли собственности на средства производства, и, во-вторых, в водружении на этом, зачищенном в смысловом отношении поле, произвольно интерпретируемых духовных конструкций. Последние принимаются за выражение искомых оснований жизни общества и государства. Вопрос об их происхождении никогда не задается. Этими духовными конструкциями являются ценности, смыслы, значения, интерпретации, обобщенно присутствующие в мировоззренческих структурах личного и общественного сознания. Все духовно-интеллектуальные формы видятся зависимыми исключительно от продуктивно-творческой активности отдельного самостоятельного индивида. Отсюда следует давным-давно устаревший вывод, что сугубо просветительской деятельности совершенно достаточно для изменения со-

знания человека, а поскольку действия человека полагаются осознанными, то результатом этого изменения будет преобразованная с позиций разума социальная реальность. Исходя из этой предпосылки, уходящей своими корнями в домарксовый материализм, в субъективно-идеалистическую трактовку истории, очень многие общественные деятели своей целью ставят составление неких программ, долженствующих разъяснить властям направление их внутренней политики для решения или, по крайней мере, купирования многочисленных общественных проблем. Их не удивляет факт того, что эти программы разрабатываются год за годом, и даже десятилетие за десятилетием, а власти их не только не кладут в основание своей политики, но даже не воспринимают как нечто, достойное серьезного государственного рассмотрения. Укоренившееся просветительское заблуждение, предполагающее, что стоит властям осознать, что есть общественное благо, как они незамедлительно направят свои усилия на его реализацию, весьма характерно для отечественной интеллигенции. Не в малой степени это обусловлено ее социально-исторической инфантильностью и склонностью, при внешней критичности, к восприятию идеологических шаблонов либерализма как универсальных, внеисторических постулатов.

Между тем, в философии присутствует высокая оценка учения Маркса, данная отнюдь не марксистом. «Поскольку Маркс, – пишет М. Хайдеггер, – осмысливая отчуждение, проникает в сущностное измерение истории, постольку марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории» [8, с. 336]. Отсюда вытекает только один вывод: сущностное измерение истории раскрывается именно в материализме Маркса, тогда как другие – идеалистические – трактовки истории этого измерения не достигают, и остаются, по сути, позитивистскими описаниями мира общественных явлений.

С этих позиций мы и продолжим рассмотрение вопроса о национальных интересах Российской Федерации.

Прежде всего придется напомнить, чем является государство: «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; ...то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса» [11, с. 171]. И, «Чего не желают отдельные капиталисты... – пишет Ф. Энгельс, – того не желает и их государство» [10, с. 253].

Современное государство, как и в позапрошлом веке, есть политическая организация правящего класса по поддержанию и укреплению своего господства, экономической основой которого является частная собственность на средства производства. Именно из этой сути только и могут вытекать реальные интересы классового государства, которые оно силами наемных пропагандистов, аналитиков, жур-

налистов, представителей социальных дисциплин (автор сознательно не называет эти дисциплины науками) камуфлирует под интересы всего общества. Затушевание действительной сути интересов капитала происходит в форме апелляции интеллектуалов, обслуживающих интересы буржуазии, к категории различного рода ценностей, содержанием которых очень легко манипулировать. Совокупность основных ценностных ориентаций должна быть представлена как выражение «общественных потребностей». Поскольку при этом исчезает даже слабое упоминание о классово-антагонистической структуре общества, то последующие описания социальных характеристик можно подать в форме, удовлетворяющей как раз классовые интересы национальной буржуазии. Политико-экономическая подоплека интересов капитала софистически подменяется абстрактными гуманитарными принципами «суверенитета и справедливости» [4, с. 7].

В существующих идеологических условиях есть вариант не прописывать прямо ценностные отношения как базис для государственных интересов, т.е. не манифестировать собственную ненаучную идеалистическую платформу, и, одновременно, не вспоминать положения марксистского учения о государстве. Это возможно при условии наполнения статьи малосодержательными благими констатациями, вроде того, что задачи требуют «тщательного стратегического продумывания», а защита национальных интересов играет «ключевую роль» в обеспечении безопасности государства и населения. Эти самоочевидные и тавтологичные соображения ничего не добавляют к данной теме. Статьи подобного рода наполнены внешне правильными общими фразами без цифр и вообще какой-либо конкретизации описания реального, а не надуманного положения дел.

Анализ темы национальных интересов практически всех авторов не может не опираться на официально принятую доктрину № 400 от 2021 г. [6]. Именно ее формулировки оказываются исходной фактологией для аналитически-понятийной работы. Однако направление такого рода исследований может быть двояким. Первое, наиболее массовое, заключается в простом пересказе положений Указа, которое может сопровождаться выборочной библиографией или даже более полным обзором литературы, включая собственно историю термина «национальные интересы». Ключевым недостатком здесь является сам описательный уровень анализа, сосредоточенный на повторении уже сказанного и не проводящий какой-либо дифференциации приводимых точек зрения. Позиции различных авторов просто кратко обозначаются, но не приводятся в логико-смысловое взаимодействие, не выделяются по степени научности, обобщенности и соответствия реальности.

Между тем, если не ставится облегченная задача простого пересказа того или иного документа, то, невзирая на идеологическую и политическую заостренность темы национальных интересов, она, как и вообще любая тематика научного исследования, нуждается в философски обоснованной понятийной проработке. Положе-

ние марксистского учения о классовой сущности государства, обоснованное и подтвержденное всем ходом истории, и о вытекающих отсюда доминирующих интересах именно господствующего класса, и никаких иных, только и может быть исходным пунктом анализа. В этом заключается второе направление анализа историко-социальной проблематики.

Какой смысл вкладывается в, казалось бы, вполне убедительно и ясно звучащие утверждения, подобных следующему: «Понятие национальных интересов представляет собой сложный синтез объективных потребностей государства и субъективных представлений общества о своём будущем» [5, с. 87]? Что такое «объективные потребности государства»? Равно как и «субъективные представления общества»? Каковы, наконец, исходные и предваряющие соображения? Не может ли быть так, что представления о будущем у государства и общества в ключевых моментах разойдутся? Но последний вопрос даже не предполагается.

Здесь, во-первых, по умолчанию принимается, что государство и общество действуют в согласованном единстве своих интересов и потребностей; во-вторых, и государство, и общество видятся как ответственные и консолидированные исторические субъекты, не только формально ставящие целью достижение общего блага, но и реально его достигающие; в-третьих, следует учесть, что фразы подобного рода принципиально беспроблемны, и, вследствие этого, могут трактоваться как описывающие собственно онтологию общественного бытия, или же выступающие как суждения с пустыми терминами. Пустота термина означает его чисто абстрактное употребление, когда имя термина остается в суждении номинальным знаком в собственной бессодержательной форме. Видимость наличия содержания при этом сохраняется в силу отсутствия привычки анализировать, что, собственно, сказано, из каких предпосылок утверждение исходит и что из него следует.

Вариант с описанием онтологии общественного бытия мы принять не можем, т.к. для этого явно недостает необходимой философской глубины подобного рода суждений. Это проявляется в том, что такие формулировки даны как нечто самоочевидное, в неразвернутом и абстрактно-обособленном виде, без учета и вообще указания сложного социально-исторического контекста, вне конкретизирующих пояснений. Остается признать содержательную пустоту подобных суждений. Пустой термин относится исключительно к структуре самого языка и не достигает состояния осмысленности.

Таким же пустым словосочетанием является перечисление основных действующих субъектов – «личности, общества и государства», чьи объективно значимые потребности в развитии и безопасности должны определять национальные интересы. Этих субъектов с едиными потребностями в реальности не существует. В классовом обществе нет абстрактной личности, в которой можно было бы репрезентировать гражданскую правовую единичность, т.е. равенство все граждан. Различие пролегает в неустрашимом факторе отношения к средствам производства,

позволяющее одним владеть ими и получать сверхприбыли, оставляя класс наемных производителей в состоянии угнетения и бесправия. При этом нет принципиальной разницы в том, в частных руках находится управление компанией, или же это предприятие (или вообще сектор экономики) принадлежит государству. И в одном, и в другом случае высший менеджмент и совет директоров получают сравнимые выплаты, причем даже не взирая на наличие убытков своих компаний. Все убытки покрываются за счет налогоплательщиков. Личность, находящаяся в состоянии наемного работника, и личность, стоящая на вершине управляющей верхушки, никак не могут быть едины ни в своих потребностях, ни в своих интересах. Государство, в свою очередь, реализует власть именно собственников средств производства, и потому национальные интересы, формулируемые от его имени, имеют совершенно конкретного адресата. Соответственно, иллюзорно представление и о неких «общественных потребностях», лежащих в основании национальных интересов. Все здание плохо скомпонованной социальной мифологии начинает рассыпаться, как только выявляется содержательная мнимость исходных смысловых блоков заявленных стратегий развития.

Крупная буржуазия, для удержания политического господства, постоянно проводит стилистическую мимикрию своих подлинных целей, связанных исключительно с ростом нормы прибыли и концентрацией капитала. Они определяют общую закономерность развития любого капиталистического общества, выражающую объективную логику его существования. Эту логику невозможно произвольно, по желанию, поменять на другой, более человечный сценарий общественного развития, не проведя сущностных преобразований на уровне производственных отношений. Но компенсировать неприглядность действительных целей капиталистического общественного производства можно. Для этого работает целый сонм работников идеологического обслуживания. Для создания симулякра надклассовой сущности государства привлекается ценностно-гуманистическая терминология, которая, в особенности в последние десятилетия, хотя полностью и потеряла сущностное начало, но продолжает оказывать позитивное воздействие на граждан, эксплуатируя историческую память народа. Одновременно, в силу небрежности ли исполнителей и самих руководителей корпораций, или же потому, что они посчитали, что особо уже не надо осторожничать, ровный и обкатанный строй гуманистически выдержанной терминологии иногда нарушается проникновением в его ткань формулировок из совсем иного дискурса, где истина строя предстает в ослепительном свете предельной ясности. «Люди — вот наша "вторая нефть", — сказал С. Иванов, зам. Председателя правительства, — которая в условиях становления экономики знаний по своему значению вскоре займет заслуженное первое место» [1]. Иными словами, люди — такой же ресурс, как и нефть, и так же могут быть включены в процесс извлечения прибылей. Причем, здесь уже не имеется в виду

получение доходов собственника в виде классического присвоения прибавочной стоимости, созданной неоплаченным трудом наемного работника. Ситуация с источниками роста капитала уже вышла из собственно производственной сферы. Она распространяется на все стороны человеческой жизни, полностью захватывая индивидуальность человека, стандартизируя его тип как потребителя. И этот аспект также был выговорен в общественном поле: «Квалифицированно использовать знания, полученные другими людьми, – это не менее достойно, чем создавать их самому, заявил помощник президента РФ по науке и образованию Андрей Фурсенко, и пояснил, что именно это он имел в виду, говоря в свое время о недостатке советского школьного образования» [7]. Но использовать – это и есть потребление, культивированием которого Фурсенко предлагает ограничить функцию школы.

Оборот же насчет «экономики знаний» призван представить в более культурном виде старую идею капитализма о тотальном превращении всего человеческого бытия в источник возрастающей стоимости. Товаром здесь становится не только сугубо материальная вещь, обладающая потребительной стоимостью, но и результаты интеллектуальной деятельности, и духовные искания. Ни религиозное упование, ни озарение научного поиска не могут избежать превращения в товарную форму.

В.И. Ленин предельно отчетливо выразил силу капитала в деле тотального овеществления сущего: «Все, не только земля, но и человеческий труд, и человеческая личность, и совесть, и любовь, и наука, — все неизбежно становится *продажным*, пока держится *власть капитала*» [2, с. 159].

Сущность государства вообще, относящейся и к эпохе развившихся и зашедших в неразрешимый и системный тупик буржуазных отношений была научно установлена Марксом, Энгельсом и Лениным, и никакой принципиально новой трактовки (в научном же отношении) здесь нет. Но марксистское учение о государстве не должно пребывать в забвении, в особенности в связи с текущими актуальными событиями и их осмыслением. Между тем, в теме национальных интересов эта научная компонента если и присутствует в публикациях, то в весьма ограниченном виде. Здесь надо различать, с одной стороны, официально установленные определения и формулировки, которые не нуждаются в дополнительном толковании, их смысл в достаточной мере разъясняется, и, с другой – саму тему как предмет проблемного понятийного анализа. Нельзя полагать, что госбюрократия создаст заверченный в смысловом отношении продукт, который философии остается лишь распространять и популяризировать. Это невозможно не только потому, что бюрократия не имеет необходимых знаний и навыков, но, в большей степени в силу того, что сама логика работы государственной машины предполагает, как свое условие и цель основу в виде формализованной управленческой инструктивности, которую сама же и нарабатывает. Инструктивность не имеет смысловой глубины и сложных контекстов, она даже, в ряде случаев, прямо противоречит сути дела.

Философ не только не обязан принимать бюрократические резолюции в качестве завершённой истины или руководящей идеи, но его профессиональное кредо прямо требует независимого и самостоятельного исследования именно понятийной содержательности социально-исторических процессов, но никак не изложения их абстрактной и формализованной версии. Для того, чтобы понятийная экспликация достигала целей познания, она должна опираться на твердо установленные положения. В противном случае она будет, в лучшем варианте, простой игрой в стилевых изысках и остроумии. В худшем – наукообразным пересказом официальных документов. Одними из таких установленных и обоснованных положений научного, диалектического материализма является принцип историзма и учение о классовой природе государства, вне которых попытки мыслить историко-социальную проблематику обречены на полный провал и научное забвение.

Библиографический список:

1. Иванов призывает инвестировать во "вторую нефть" России – людей // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20090316/165063972.html>
2. Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во второй государственной думе // Полн. собр. соч., т. 15. – М.: Политиздат, 1972. – С. 127-160.
3. Каблов Е. Шестой технологический уклад. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>
4. Карпович, О. Г. Национальные интересы России в БРИКС: институциональные и геополитические аспекты / О. Г. Карпович, А. П. Волков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2025. – № 1(43). – С. 6-22.
5. Норов, Р. Р. Национальные интересы в сфере высшего образования современной России // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. – 2025. – № 21. – С. 86-91. – DOI 10.36683/FP-21/86-
6. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
7. Фурсенко объяснил слова о "главной ошибке" советской школы // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20210520/shkola-1733101604.html>
8. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. С. 314-356.
9. Шкодинский С.В., Романцова Т.В., Продченко И.А. Национальные интересы и экономическая безопасность России в условиях перехода к шестому технологическому укладу // Вестник Екатеринбургского института. -2025. - № 1. - С. 78 – 82.
10. Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18. - М.: Политиздат, 1961. С. 203-284.
11. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. - М.: Политиздат, 1961. С. 23-178.

References:

1. Ivanov prizu`vaet investirovat` vo vtoruyu neft` Rossii – lyudej // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20090316/165063972.html>
2. Lenin V.I. Proekt rechi po agrarnomu voprosu vo vtoroj gosudarstvennoj dume // Poln. sobr. soch., t. 15. – M.: Politizdat, 1972. – S. 127-160.
3. Kablov E. Shestoj texnologicheskij uklad. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>
4. Karpovich, O. G. Nacional`ny`e interesy` Rossii v BRIKS: institucional`ny`e i geopoliticheskie aspekty` / O. G. Karpovich, A. P. Volkov // Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir. – 2025. – № 1(43). – S. 6-22.
5. Norov, R. R. Nacional`ny`e interesy` v sfere vy`sshego obrazovaniya sovremennoj Rossii // Obrazovanie i nauka bez granic: fundamental`ny`e i prikladny`e issledovaniya. – 2025. – № 21. – S. 86-91. – DOI 10.36683/FP-21/86-9.
6. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 g. № 400 «O Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» //URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
7. Fursenko ob`yasnil slova o glavnoj oshibke sovetskoj shkoly` // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20210520/shkola-1733101604.html>
8. Xajdegger M. Pis`mo o gumanizme // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. – M.: Progress, 1988. S. 314-356.
9. Shkodinskij S.V., Romanczova T.V., Prodchenko I.A. Nacional`ny`e interesy` i e`konomicheskaya bezopasnost` Rossii v usloviyax perexoda k shestomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik Ekaterininskogo instituta. -2025. - № 1. - S. 78 – 82.
10. E`ngel`s F. K zhlisshhnomu voprosu // Marks K., E`ngel`s F. Soch., t. 18. - M.: Politizdat, 1961. S. 203-284.
11. E`ngel`s F. Proisxozhdenie sem`i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva // Marks K., E`ngel`s F. Soch., t. 21. - M.: Politizdat, 1961. S. 23-178.

УДК 130.2

К. П. Горбачёв

(аспирант кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика – РФ)

ИСТОРИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА Ф. ЭНГЕЛЬСА И ЕЁ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

***Аннотация.** В данной статье проводится комплексный анализ историко-материалистической концепции происхождения государства, сформулированной Фридрихом Энгельсом в его классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Цель исследования – реконструировать ключевые тезисы энгельсовской теории, выявить ее внутреннюю логику и оценить ее объяснительный потенциал в свете современных исторических и антропологических данных. Особое внимание уделяется трактовке государства как инструмента классового господства, возникшего на основе раскола общества на антагонистические группы. Статья также рассматривает критические взгляды на данную модель и ее актуальность для анализа современных государственных институтов.*

***Ключевые слова:** Ф. Энгельс, исторический материализм, происхождение государства, классовая теория, частная собственность, общественное разделение труда, насилие, политический институт.*

K. P. Gorbachev

(PhD student, Department of Philosophy)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic - Russian Federation)

THE HISTORICAL-MATERIALISTIC CONCEPTION OF THE ORIGIN AND ESSENCE OF THE STATE BY F. ENGELS AND HER ROLE IN THE MODERN WORLD

***Abstract.** This article provides a comprehensive analysis of the historical and materialistic concept of the origin of the state, formulated by Friedrich Engels in his classic work "The Origin of the Family, Private Property, and the State." The purpose of this study is to reconstruct the key tenets of Engels' theory, identify its internal logic, and evaluate its explanatory potential in light of contemporary historical and anthropological data. The article focuses on the interpretation of the state as an instrument of class domination that emerged from the division of society into antagonistic groups. The article also examines critical views on this model and its relevance for the analysis of modern government institutions.*

***Keywords:** F. Engels, historical materialism, origin of the state, class theory, private property, social division of labor, violence, political institution.*

Проблема генезиса государства остается одной из центральных в социально-политической мысли. Среди множества теорий (патриархальной, договорной, теории насилия и др.) историко-материалистическая концепция, разработанная классиками марксизма, занимает особое место, предлагая системное объяснение этого процесса. Наиболее полное и популярное изложение данной теории принадлежит Фридриху Энгельсу, чья работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) стала каноническим текстом для нескольких поколений исследователей [8]. Несмотря на то, что многие положения Энгельса были подвергнуты критике, его методологический подход – рассмотрение государства как исторической, а не вечной категории, порожденной глубинными социально-экономическими сдвигами, – продолжает оказывать значительное влияние на науки об обществе. Цель данной статьи – осуществить критический разбор концепции Энгельса, выделив ее сильные стороны.

Методологическая основа: государство как продукт непримиримых классовых противоречий

Фундаментом теории Энгельса является исторический материализм, согласно которому определяющую роль в общественном развитии играет способ производства материальных благ. Соответственно, политическая надстройка, важнейшим элементом которой является государство, детерминирована состоянием экономического базиса. Энгельс не просто констатирует этот факт, а прослеживает конкретный исторический механизм трансформации.

Исходным пунктом его анализа является доклассовое, родовое общество, которое он, опираясь на исследования Льюиса Г. Моргана, характеризует как строй «военной демократии» [8, с. 47-48]. Для этого строя были свойственны коллективная собственность на средства производства, отсутствие глубокого социального неравенства и общественная власть, воплощенная в народном собрании, совете старейшин и выборных, сменяемых военачальниках. Эта власть, по Энгельсу, была «властью, выраставшей из общества, но ставившей себя над ним и все более и более отчуждавшей себя от него» [8, с. 48-49]. Ключевым тезисом здесь является то, что государственная власть не является изначальной, а возникает на определенной ступени экономического развития.

Движущей силой, разрушившей родовой строй и сделавшей возникновение государства необходимым, стал комплекс взаимосвязанных факторов:

1. Развитие общественного разделения труда. Энгельс последовательно описывает три крупных общественных разделения труда: отделение скотоводства от земледелия, выделение ремесла и, наконец, обособление класса торговцев. Это привело к росту производительности труда и появлению регулярного избыточного продукта.

Разделение труда между крестьянами и ремесленниками упрочилось уже настолько, что стало отодвигать на второй план общественное значение прежнего деления на роды и племена. Оно, наконец, провозглашает непримиримое противоречие между родовым обществом и государством; первая попытка образования государства состоит в разрыве родовых связей путем разделения членов каждого рода на привилегированных и непривилегированных и разделения последних, в свою очередь, на два класса соответственно роду их занятий, что противопоставляло их, таким образом, один другому [1. с. 50, 74-75].

2. Возникновение частной собственности. Возможность присвоения избыточного продукта трансформировала отношения собственности. Коллективная собственность постепенно вытеснялась частной, что стало материальной основой для социального расслоения.

Возникновение частной собственности породило обмен между людьми и превратило продукты в товары, что стало семенем будущих революционных изменений. Как только производители начали обмениваться результатами своего труда, они потеряли над ними контроль. Продукт получил власть над своим создателем, став орудием эксплуатации. История Афин – яркий пример того, как быстро эта логика развивается: вслед за товарным производством появляются частное землевладение, а затем и деньги. Деньги, неожиданно для их создателей, стали всеобщей общественной силой, подчинившей себе всё общество.

3. Раскол общества на антагонистические классы. Появление частной собственности привело к выделению семей, концентрирующих богатства, и формированию двух основных классов: эксплуататоров (рабовладельцев) и эксплуатируемых (рабов). Общество, основанное на непримиримых противоречиях между этими классами, оказалось перед угрозой самоуничтожения в ходе перманентной борьбы. Именно эта ситуация, по Энгельсу, и породила государство.

Он пишет «... возникло общество, которое в силу всех своих экономических условий жизни должно было расколоться на свободных и рабов, на эксплуататоров-богачей и эксплуатируемых бедняков, – общество, которое не только не могло вновь примирить эти противоположности, но должно было все больше обострять их. Такое общество могло существовать только в непрекращающейся открытой борьбе между этими классами или же под господством третьей силы, которая, якобы стоя над взаимно борющимися классами, подавляла их открытые столкновения и допускала классовую борьбу самое большее только в экономической области, в так называемой законной форме. Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием – расколом общества на классы. Он был заменен государством [1, с. 76]. Этот тезис является центральным для всей марксистской политологии.

Сущностные признаки государства по Энгельсу

Отталкиваясь от данного определения, Энгельс выделяет ряд признаков, отличающих государство от родовой организации власти:

1. Разделение подданных по территориальному принципу, а не по кровнородственным связям. Это отражало потребности развивающегося товарообмена и оседлого образа жизни, ломая старые родовые перегородки.

Организация управления, проведенная Клизфеном (Афины, 509 г. до н. э.), игнорировала деление на четыре древних племена, основанных на родах и фратриях. Ее место заняла совершенно новая организация на основе разделения граждан только по месту их жительства. Решающее значение имела уже не принадлежность к родовым союзам, а исключительно место постоянного жительства; не народ подвергался делению, а территория; население в политическом отношении превращалось в простой придаток территории [8, с. 52, 77].

2. Учреждение публичной власти, которая не совпадает непосредственно с населением. Эта власть состоит из особых отрядов вооруженных людей (армия, полиция) и вещественных придатков (тюрьмы, принудительные учреждения). Энгельс особо подчеркивает, что эта публичная власть укрепляется по мере обострения классовых противоречий. Так он пишет: «Публичная власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населеннее. Взгляните хотя бы на теперешнюю Европу, в которой классовая борьба и конкуренция завоеваний взвинтили публичную власть до такой высоты, что она грозит поглотить все общество и даже государство» [8, с. 77-78].

3. Система налогов и государственных займов. Содержание публичной власти, не участвующей непосредственно в производстве, требовало финансовых поступлений от населения в виде налогов, которые в условиях рабовладельческого строя ложились тяжелым бременем на свободных граждан.

Важнейшим аспектом энгельсовской концепции является тезис о государстве как о «машине» для подавления одного класса другим. Эта метафора указывает на инструментальный, служебный характер государства по отношению к экономически господствующему классу. Государство, таким образом, не является нейтральным арбитром; оно конституируется для защиты интересов собственников и поддержания существующих отношений господства и подчинения.

Критический анализ и современное звучание концепции

Теория Энгельса, несмотря на свою логическую стройность и широкое влияние, неоднократно подвергалась критике. Часть современных антропологов и историков оспаривают универсальность предложенной Энгельсом схемы. Как пример, приводится «восточный» (азиатский) путь формирования государства, где роль частной собственности на землю, казалось бы, была менее выражена, а ведущую функцию

играло управление крупными ирригационными системами и коллективная эксплуатация общинников государственной бюрократией [2, с. 11-13]. Этим они ставят под сомнение тезис о том, что частная собственность является единственным и обязательным условием генезиса государства. Однако, в своих работах, Энгельс и не утверждает, что частная собственность является единственным условием генезиса государства. В то же время авторами не отрицается наличие эксплуатации общинников классом государственных чиновников, соответственно не отрицается и наличие частной собственности, что полностью соответствует теории Энгельса.

С. С. Алексеев и В. М. Корельский также указывают, что хотя нет оснований считать, что классовая борьба не влияла на возникновение государства, нельзя считать возникновение классов единственной причиной его появления, поскольку имеются примеры зарождения и формирования государства в доклассовом обществе, а на процесс государствообразования влияют и другие, более общие факторы [1].

Например, общества Древней Месопотамии (шумерские номы) на раннем этапе. Сложная ирригация, храмовое хозяйство, социальная стратификация (жрецы, администрация, общинники, клиенты храмов), но деления на рабовладельцев и рабов как основных классов еще нет.

Древний Египет в додинастический и раннединастический периоды. Процесс объединения номов под властью царя, создание аппарата управления, связанный скорее с необходимостью координации ирригации и обороны, чем с подавлением одного класса другим.

Общества варварских периферий античного мира (древние германцы, славяне, кочевые империи степей). У германцев во время войн с Римом складывалась сильная военная власть вождя и его дружины, появлялось неравенство, но родовой строй и свободные общинники еще долго оставались основой. Кочевые империи (гунны, тюркские каганаты, Монгольская империя) создавали мощную военно-административную структуру для завоеваний и управления, где классовое деление (по Марксу) было затушено делением на племена, роды и военную аристократию. Вместе с тем, во всех этих примерах уже прослеживается наличие класса эксплуататоров и эксплуатируемых, в какой бы форме они ни выступали (администрация, вожди, дружины и т.д.).

Концепцию Ф. Энгельса также критиковал в конце 1950-х годов немецкий неортодоксальный марксист Карл Виттфогель [3]. Учёный отмечал, что Энгельс анализировал генезис государства на материале народов Железного века, которые развивались под влиянием соседних высокоразвитых цивилизаций. В отличие от них, в более ранних обществах Бронзового века (Древний Египет, Шумер) государство сформировалось до возникновения частной земельной собственности. Так, анализируя социальную структуру Египта и Шумеры, Виттфогель указывает, что в

ранних династических периодах мы не видим класса, аналогичного римским лати-фундистам или феодальным лордам. Крупные земельные владения принадлежали храмам и царскому дворцу, то есть были институциональной, а не частной собственностью. Правящим классом была не группа собственников, а административная иерархия (чиновники, писцы, надсмотрщики за работами, жрецы), которая управляла ирригацией, собирала налоги (в натуре) и мобилизовала население на труд. Сильное централизованное государство, по Виттфогелю, целенаправленно подавляло потенциальные очаги независимой экономической власти, чтобы никто не мог бросить вызов его монополии на воду и труд. При этом он базируется на теократической модели, где правитель-бог и его бюрократия выступали верховными управляющими всей земли.

Однако, то обстоятельство, что и правитель-бог, и его бюрократия могли быть верховными управляющими всей земли, как раз и свидетельствует о том, что земля была де-факто в их собственности. Что опять же подтверждает теорию Энгельса, которая оказалась универсальной, как для западного, так и восточного путей развития общества. Одно из ключевых ее достижений – демистификация государства: Энгельс продемонстрировал, что оно не есть продукт божественной воли или общественного договора, а исторически преходящий институт, укоренённый в социально-экономических отношениях. Этот подход позволяет анализировать современные государственные институты через призму их связи с крупным капиталом, лоббированием корпоративных интересов и использованием репрессивного аппарата для защиты существующего экономического порядка.

Подтверждение и развитие теории Ф. Энгельса в трудах российских и зарубежных авторов

Этнографические исследования XX века, особенно в Меланезии, Амазонии и Африке, подтвердили историческое разнообразие форм семьи. Работа Клода Леви-Стросса «Элементарные структуры родства» [4, с. 37-45, 60-68] продемонстрировала, что системы родства являются фундаментальными социальными структурами, регулируемыми брачными обмены и предшествующими появлению государства. Леви-Стросс, хотя и с иных методологических позиций (структурализм), подтвердил тезис о социальной, а не биологической природе запрета инцеста и о ранних формах группового брака.

Фундаментальный труд коллектива авторов под руководством Ю.И. Семенова «Первобытная коммуна и соседская община» [5, с. 112-145] обобщил данные, свидетельствующие о существовании бесполой и дуально-родовых коммун, матрилокальных общин на ранних этапах социогенеза, что коррелирует с энгельсовской схемой перехода от группового брака к парному.

А. И. Першиц в работе «Война и мир на пороге цивилизации» [5, с. 56-72] на богатом этнографическом материале показал, как «престижная экономика», накопление скота (первой формы частной собственности у многих народов) и межобщинные столкновения за ресурсы вели к возвышению военных вождей, формированию патриархальных больших семей и имущественному неравенству.

Мортон Фрид в книге «Эволюция политического общества» [6 с. 101-110], вводя понятие «стратифицированного общества», предшествующего государству, фактически подтверждает энгельсовскую последовательность: равенство – расслоение – появление аппарата принуждения.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что историко-материалистическая концепция происхождения государства, разработанная Ф. Энгельсом, представляет собой целостную теоретическую модель. Ее сила заключается в системном подходе, связывающем генезис политической власти с глубинными переменами в экономическом базисе общества – развитием разделения труда, появлением частной собственности и расколом общества на антагонистические классы.

Главный вклад Энгельса состоит в том, что он представил государство не как вечную и неизменную сущность, а как продукт конкретной исторической эпохи, имеющий начало и, следовательно, потенциальный конец в будущем бесклассовом обществе. Его концепция остается действенным инструментом критического анализа, позволяющим вскрывать классовые интересы, стоящие за фасадом формальной политической демократии, и понимать государство как социальный феномен, производный от способа организации материального производства.

Библиографический список:

1. Алексеев С. С., Корельский В. М. Теория государства и права. Архивная копия от 29 марта 2008 на Wayback Machine М., 2000. – С. 49-50.
2. Васильев Л. С. Становление политической администрации: от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству - чифдом // Народы Азии и Африки. – 1980. – № 1. – С. 11-13.
3. Виттфогель К. А. Геополитика, географический материализм и марксизм//Под знаменем марксизма. 1929. №2-3. С.16-42; №6. С.1-29; №7-8. С. 1-28.
4. Леви-Строс К.Л 36 Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. —512 с. (Серия «Психология без границ»).
5. Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Том 1-2 М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. – 176+247 с.
6. Семенов Ю.И. «Первобытная коммуна и соседская община» Сборник статей. Издательство «Наука». – М., 1977.

7. Фрид, Мортон Х. 1967. Эволюция политического общества: очерк политической антропологии. Исследования в области антропологии, AS Нью-Йорк: Рэндом Хаус.
8. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 21. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 23–178.

References:

1. Alekseev S. S., Korel'skii V. M. Teoriia gosudarstva i prava. Arkhivnaia kopiia ot 29 marta 2008 na Wayback Machine M., 2000. — S. 49—50
2. Vasil'ev L. S. Stanovlenie politicheskoi administratsii: ot lokal'noi gruppy okhotnikov i sobiratelei k protogosudarstvu - chifdom // Narody Azii i Afriki. — 1980. — № 1. — S. 11-13.
3. Vittfogel' K. A. Geopolitika, geograficheskii materialism i marksizm//Pod znamenem marksizma. 1929. №2-3. S.16-42; №6. S.1-29; №7-8. S.1-28.
4. Levi-Stross K. L 36 Strukturnaia antropologiya / Per. s fr. Viach.Vs. Ivanova. — M.: Izd-vo EKSMO-Press, 2001. —512 s. (Seriia «Psikhologiya bez granits»).
5. Pershits A.I., Semenov Iu.I., Shnirel'man V.A. Voina i mir v rannei istorii chelovechestva. Tom 1-2 M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 1994. — 176+247 s.
6. Semenov Iu.I. «Pervobytnaia kommuna i sosedskaa obshchina» Sbornik statei. Izdatel'stvo «Nauka» M.1977
7. Frid, Morton Kh. 1967. Evoliutsiia politicheskogo obshchestva: ocherk politicheskoi antropologii. Issledovaniia v oblasti antropologii, AS N'iu-Iork: Random Kha.
8. Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva // K. Marks, F. Engel's. Sochineniia. — 2-e izd. — Т. 21. — М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961. — S. 23–178.

УДК 1(091)

А. А. Миргородский

(кандидат философских наук, доцент)

Донецкий филиал Волгоградской академии МВД РФ

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

ТРУД КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ ИСТОРИИ В СВЕТЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

***Аннотация.** В статье рассмотрены особенности развития и анализа категории «труд» в контексте преемственности культурно-исторического развития и сквозь призму проблемы субъекта истории как смыслового философского ядра. Труд представляет собой субстанциальный субъект, выступая причиной всех своих формообразований, которые не нуждаются в формировании извне. Труд также выступает не только как процесс производства общественной жизни, но и как процесс создания самой формы общественной связи, имеющий результатом общество в виде системы разделения труда и системы всеобщей связи и зависимости. В статье также обоснована актуальность исследования данной проблемы, решение которой является узлом пересечения всех ключевых философских проблем, касающихся познания процесса общественно-исторического развития.*

***Ключевые слова:** социальность, субстанциальный субъект, субъект истории, общество, труд, человек.*

A. A. Mirgorodskiy

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

LABOR AS AN OBJECTIVE SUBJECT OF HISTORY IN THE LIGHT OF THE CONTINUITY OF THE CULTURAL AND HISTORICAL PROCESS

***Abstract.** The article examines the features of the development and analysis of the category of "labor" in the context of the continuity of cultural and historical development and through the prism of the problem of the subject of history as a semantic philosophical core. Labor is a substantial subject that causes all its forms, which do not need to be formed from the outside. Labor is also not only a process of producing social life, but also a process of creating the very form of social connection, resulting in a society that is a system of division of labor and a system of universal connection and dependence. The article also substantiates the relevance of studying this problem, the solution of which is a crossroads for all key philosophical issues related to understanding the process of social and historical development.*

***Key words:** sociality, substantial subject, subject of history, society, labor, and man.*

Как известно, актуальность проблематики объективного и субъективного в историческом процессе обусловлена поисками реального основания, на котором могут базироваться теории общества и культуры. В целях наиболее оптимальных путей решения проблемы Т.Э. Рагозина дает критический анализ «персоналистической концепции истории и культуры» М.Б. Туровского, у которого объективность и материальность понимаются достаточно упрощенно [12]. Эта точка зрения неотличима от старой точки зрения материализма, характерной также для гуманистов эпохи Возрождения и мыслителей эпохи Просвещения, которая хорошо известна в литературе как точка зрения индивида, «обособленного одиночки». Это методология, для которой подлинным и единственным субъектом истории является индивид или личность и его сознательная деятельность, в силу чего индивид является отправной точкой, задающей масштаб и критерий для оценки объективных закономерностей общественного развития [12, с. 19]. Провозгласив в качестве исходного методологического требования личностный монизм истории, М. Б. Туровский объявляет личность единственным и главным субъектом истории. За трепетным отношением к личности маячит теоретический тупик. Это антропоморфный взгляд на историю.

Просветители считали, что путь исторического прогресса обеспечивает поступательное развитие всеильного Разума. То есть уже в эпоху Просвещения формируется рационалистический прогрессизм на фоне отвержения традиций феодального общества и веры в создание нового социума. Например, Ф. Бэкон считал, что нужно кардинальное обновление основ духовной жизни для постоянного движения вперед. Р. Декарт предложил рационалистическую трактовку современности. А Дж. Локк исходил из того, что разум человека – это *tabula rasa* (чистая доска), на которой опыт и учение пишут по-новому [6, с. 6]. Нужно отметить, что в советской марксистской философии вопрос о субъекте истории самостоятельно вообще не ставился, поэтому был замещен рассмотрением других проблем. При этом в последнее время выходят публикации, которые претендуют на решение данной проблематики. Как верно отмечает Н. П. Рагозин, в наследии прошлого люди находят культурно-историческую рамку, форму для постановки проблем настоящего [5, с. 8].

Актуальность заявленной темы продиктована не праздным интересом, а практической потребностью и стремлением человечества сохранить самого себя. Как отмечает Т. Рагозина, объективная жизненная потребность дает повод философии ставить в центр внимания вопрос о формах преемственности культурно-исторического развития [11, с. 31].

В методологическом отношении значимым представляется тот факт, что от решения вопроса о субъекте истории зависит понимание всех без исключения общественно-исторических феноменов [11, с. 33]. Как справедливо отмечает Т. Рагозина, просто провозгласить субъектом исторического процесса общество, – это всё

равно, что ничего не сказать. Другое дело, что именно мы подразумеваем под обществом. И вот здесь два варианта решения вопроса. Первый – это антропоморфный взгляд на историю с его эмпирико-субъективистской методологией. Второй путь – это реализация социоморфного взгляда в оценке общества и истории. По мнению Т. Рагозиной, только в этом случае «мы будем вооружены и ведомы методом, способным теоретически реконструировать в мышлении действительный ход общественно-исторического развития путем обнаружения его объективных, а значит – всеобщих и необходимых закономерностей» [11, с. 33]. Нужно признать, что изначальная постановка вопроса о субъекте истории является безусловным достоянием материалистического понимания истории. Но после Маркса она не была систематически развита [11, с. 35].

Итак, основы теоретического понимания традиции как объективной формы социально-исторической преемственности следует искать в материалистическом понимании истории К. Маркса.

Н. Рагозин, репрезентируя материалистическое понимание истории, интерпретирует традицию как процесс передачи-наследования производительных сил и форм общения в последовательной смене поколений, как процесс воспроизводства общественной жизни, который обеспечивает преемственность и поступательный ход истории [3, с. 10].

В целом, традиция представляет собой диалектически противоречивое единство старого и нового, формы которого могут быть неожиданными и разнообразными. При этом скорость протекания циклов воспроизводства определяется уровнем развития производительных сил общества на определенном этапе [3, с. 10].

Развивая вышесказанное, отметим, что в доиндустриальном обществе интенсивность хозяйственной и социальной жизни была привязана к темпам протекания природных процессов. Поэтому воспроизводство общественной жизни было замедленным, и сложившийся уклад хозяйственной деятельности и социальных отношений мог сохраняться продолжительное время, создавая «традиционное общество» (Конт, Спенсер, Дюркгейм). В таком обществе традиция благодаря долгому существованию постепенно приобретает священный характер [3, с. 11].

Как отмечает Н. Рагозин, Маркс не является ни сторонником, ни противником традиции. Конечно, Маркс не может отвергать традиции, потому что они для него и механизм поступательного движения общества, и основа социального прогресса. Вместе с тем традиция в определенных условиях может тормозить развитие общества. Но все же традиция скорее будет являться источником исторического творчества, служащего развитию богатства человеческой индивидуальности, для передачи всего накопленного культурно-исторического опыта человечества [3, с. 17].

Нужно отметить, что традиция как процесс передачи культурно-исторического опыта от одного поколения к другому может различаться масшта-

бом. К. Маркс выделяет такие виды культурно-исторического наследия, которые сводятся к двум основным. Это – местные (национальные) и общечеловеческие традиции, которые представляют всемирно-историческое культурное наследие. При этом начальный этап человеческой истории характеризуется локально-ограниченным характером, сообразным с лимитированным развитием производительных сил и форм общения. При этом ограниченное, локальное развитие человеческого общества скорее может быть подвержено случайностям, приводить к утрате достижений, а значит – и к срыву поступательного развития. На этом этапе развитие общества происходит медленно [5, с. 9].

Возможность преодоления этих срывов К. Маркс видит в переходе человеческого общества от локального к глобальному (всемирному) масштабу развития [5, с. 10].

При этом главной линией исторического развития является поступательное развитие общества, в ходе которого оно переходит с одного уровня развития производительных сил и форм общения на качественно другой. Начало такого типа культурно-исторической преемственности в марксизме связывается с эпохой капитализма [5, с. 11]. По Марксу, именно с этой эпохи начинается процесс рождения всемирной истории, культурного наследия, «всемирного общения» народов [5, с. 12].

Вместе с тем Маркс видит два способа преодоления препятствий на пути формирования всемирного наследия как достояния всего человечества. Первый способ – это упразднение частной собственности на основные средства производства. Второй – это развитие производительных сил и форм общения, которые должны находиться не под стихийным, а сознательным контролем всех членов общества [2, с. 68]. Эта передача наследия от одного поколения к другому должна происходить в зоне непосредственного контакта через различные механизмы социализации, воспитания и обучения [5, с. 13].

В свою очередь, Т. Рагозина обстоятельно исследует проблему социально-исторической преемственности, используя для анализа такие понятия, как «культурная норма», «историческое сознание», отличая их от противоположных понятий. Она исследует сущность историзма как систему взглядов, а также выясняет теоретические основания, которые конституируют историческое сознание как таковое. В связи с этим автором даётся анализ принципиальных отличий историзма как способа научного постижения процессов общественного развития от неисторического по своему существу взгляда на явления общественной истории, а также анализируются античная и средневековая модели исторического развития как низшие ступени историзма [7, с. 28].

Т. Рагозина заключает, что культурные нормы, как формы существования и развития человеческой истории, не тождественны формам поведения человека: «...потому что в реальной жизни люди заняты производством и воспроизводством

условий своей жизни, обеспечением средств своего существования, заняты различными видами деятельности – начиная от материального производства и заканчивая созданием новейших научных технологий» [9, с. 27]. При этом культурные нормы имеют объективно-необходимый характер, который, в свою очередь, обуславливает саму деятельность, породившую их [9, с. 29].

Т. Рагозина это обстоятельно разъясняет следующим образом: как только мы оставляем эмпирически ограниченную точку зрения поведения и этикета и переходим на точку зрения общественно-исторической деятельности людей и способов ее организации, так сразу открывается другой фокус видения проблемы. Так проявляется отличие культурных норм от стереотипов поведения [9, с. 29].

Таким образом, культурные нормы – это не кем-то установленный трафарет, а «та равнодействующая, которая складывается в качестве объективного итога и результата действия множества, разнонаправленных волей, желаний, стремлений человеческих индивидов, вынужденных соотносываться как с целями и интересами друг друга, так и с особенностями объекта их коллективной деятельности» [9, с. 30].

Объективный характер норм культуры проявляется в том, что они есть нечто, существующее не только независимо от форм индивидуального поведения людей и их сознания. Они получают свое формализованное выражение также в рационально оформленных нормах морали, права, искусства, науки. То есть они в «свёрнутом», концентрированном виде содержат в себе общественные отношения, в которых и осуществляется живая деятельность индивидов [9, с. 30].

Культурные нормы позволяют индивидам осуществлять свою совместную деятельность и обеспечивать воспроизводство обществом условий своего существования, осуществляя возможности реализации смысла человеческой истории [9, с. 30].

При этом культурная норма создает для человека возможность выбора линии своего поведения, «обладавая текучей структурой, которая изменяется вместе с самой общественной деятельностью людей» [9, с. 31]. Вместе с тем культурная норма выполняет функции элементарных форм фиксации и сохранения социально значимого опыта или культурной памяти [9, с. 32].

Таким образом, культурная норма есть нечто идеальное («чувственно-сверхчувственное»). Она обладает бóльшим объективным бытием, нежели мир чувственных вещей, имеет объективно-принудительную силу закона, выступая «в качестве той самой «безымянной и безличной», но при этом весьма могущественной социальной силы, которая задает содержание и определяет способы протекания нашей деятельности» [8, с. 135].

Итак, в понятии нормы культуры философское мышление достигает своего полного самосознания, но это оказывается недостаточным, чтобы решить заявленную проблему.

Как мы уже отмечали, Т. Рагозина основательно задается вопросом о том, что же такое субъект истории [11, с. 35].

С одной стороны, если это общество, то обладает ли оно собственным бытием? Либо это только фикция, абстракт, конструктор. Если да, то чем представлено в реальности это самостоятельное бытие общества?

Очевидно, что этот вопрос связан с проблемой преемственности общественно-исторического развития, которая была сведена западной философской мыслью исключительно к проблеме исторической памяти. По мнению Т. Рагозиной, она не может претендовать на роль объективного механизма и всеобщего условия сохранения, воспроизводства и трансляции социально значимого опыта. То есть постановка вопроса о субъекте истории является несомненным достоянием материалистического понимания истории [11, с. 35].

По мнению Т. Рагозиной, если субъект истории «не является одновременно и ее субстанцией, то есть основой, причиной и действительным началом всего процесса, другими словами, не является субстанциальным субъектом, значит, он как таковой вовсе и не есть субъект истории» [11, с. 36].

Таким образом, из сказанного вытекает следующее: если мы рассматриваем общество в качестве субъекта истории, но при этом берем его в отрыве от его субстанциальной функции быть основой всего социально-исторического развития, то в таком случае понятие общества получает сугубо эмпирическую трактовку. Общество сводится к сумме своих структурных элементов (индивидов, социальных групп, классов, этносов, наций), с которыми имеет дело обыденное, эмпирическое сознание. Поэтому общество в целом, как свидетельствует Т. Рагозина, в этом случае неизбежно ассоциируется все с теми же чувственно воспринимаемыми индивидами. И хотя такое понимание общества и включает в себя структурные элементы в виде социальных групп, слоёв, классов и проч., на самом деле оно по своей сути сводится всё к тем же индивидам. Таким образом, индивид как отправная точка зрения всякого эмпиризма никуда не исчезает.

Поэтому и неудивительно, что «трактовка общества как субъекта, рассматривающего его изолированно от субстанции-труда как основы и начала человеческой истории и ставящая его в один ряд с перечисленными звеньями и элементами социальной морфологии (индивиды, классы, нации и т.д.), неизбежно несет на себе «родовое пятно» эмпирического сознания в виде антропоморфного взгляда на человеческую историю» [11, с. 37].

Как видим, именно отрыв субъекта истории (общества) от ее субстанции (от труда как процесса общественного производства, то есть от того процесса, в котором только и производится общество) не позволял на деле сформировать система-

тический взгляд на общество как на «общественно-производственный организм» [1, с. 118].

Очевидно, что осуществленное Марксом преодоление антропоморфного взгляда на историю методологически стало возможным только в результате понимания общества как вполне особого субъекта. Поэтому общество стало пониматься как форма организации совместной деятельности индивидов, как объективно складывающаяся система общественного разделения труда. В этом плане подлинным субъектом истории является, безусловно, труд как живой процесс. Как отмечает Т. Рагозина, «общество же лишь постольку есть субъект, поскольку оно есть непосредственный результат этого процесса труда и одновременно – единственно возможная форма и способ его существования» [11, с. 37].

Таким образом, быть обусловленным обществом как субъектом – значит зависеть в своем существовании и функционировании от исторически определенной системы общественного разделения труда [11, с. 38]. Сам «общественно-производственный организм» в каждый данный момент есть результат и всеобщая форма труда. В труде и формах его разделения заключена «хитрость мирового разума», незримо вершащая судьбы истории [11, с. 38].

Труд может быть субстанцией-субъектом, то есть причиной всех своих изменений. При этом индивиды предстают как особенные модификации исходной формы субстанциального субъекта – труда.

Становление человека как существа разумного и деятельного всегда происходит «в рамках совместно осуществляемой людьми деятельности, направленной на производство и воспроизводство условий своей общественной жизни, а значит – в рамках определенной системы общественного разделения труда, которая как подлинная субстанция-субъект (или – субстанциальный субъект) как раз и обуславливает это становление» [11, с. 39].

Таким образом, общество не является фикцией (метафорой, конструктом). Оно обладает столь же реальным бытием, как и обычные индивиды, существуя с ними в одном и том же пространстве и времени как их системообразующее отношение, несущее в себе общее им всем системное качество – социальность как таковую. То есть общество является адекватной исходной формой субстанциального субъекта – труда [11, с. 42].

По мнению Т. Рагозиной, только социально обусловленный труд может быть действительной основой (субстанцией-субъектом) исторического развития человека, общества и культуры, обуславливающей как само это развитие, так и формы, в которых оно осуществляется [10, с. 28].

Как видим, труд должен рассматриваться не просто как производство вещей и предметов, а как процесс производства всеобщей формы труда, обуславливающий также и производство человеческих индивидов и их сознания, – только в этом слу-

чае труд получает «философское обоснование в качестве закона существования человеческого общества» [10, с. 30].

В связи с вышесказанным нужно отметить такую деталь, что орудийная деятельность, будучи формой труда, не является субстанцией-субъектом исторического развития общества и культуры. По К. Марксу, только социально обусловленный труд может быть источником (субъектом) и основой (субстанцией) общественно-исторического развития [13, с. 22].

Из этого следует, что только на зрелой стадии своего развития труд есть форма универсальной общественной связи и зависимости людей друг от друга, форма социальной взаимообусловленности их деятельности.

Дело в том, что в начальной стадии человеческой истории в качестве ее всеобщей основы (субстанции) и источника (субъекта) развития выступал труд как способ совместной деятельности людей. То есть не труд в форме орудийной деятельности, не труд как процесс обмена веществ между человеком и природой, не труд как процесс, производящий вещи. А труд как некий социальный метаболизм – как процесс обмена деятельностью, который только в силу этого и стал преемственно воспроизводящейся во времени формой социальной связи и взаимообусловленности индивидов, то есть процессом, производящим саму форму общественной связи – общество [13, с. 23].

Таким образом, можно сделать вывод, что труд с развитием культурно-исторического процесса также развивается и эволюционирует. В частности, появляется такое понятие, как «разделенный труд», когда в нем возникают новые виды и формы труда. Такое «усложнение» труда является индикатором качественного изменения производительных сил, показателем качественного изменения производственных отношений, связывающих людей в единое общественное целое.

В целом, К. Маркс видит в социально-историческом процессе поступательное прогрессивное развитие, в котором труд предстаёт как онтологически наличествующий подлинный объективный субъект истории и потому – как система производства и воспроизводства человека во всем богатстве его общественных отношений [4].

Библиографический список:

1. Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-ое изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. – 629 с.
3. Рагозин Н.П. Образы традиции в теоретическом сознании // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2016. – Выпуск № 1 (3). – С. 7-18.

4. Рагозин Н.П. Развитие философского понятия «труд» в «Немецкой идеологии» как становление материалистического понимания истории // *Культура и цивилизация (Донецк) Научный журнал*. – Донецк, 2021. – № 2 (14). – С. 7-26.
5. Рагозин Н.П. Традиция как механизм воспроизводства общественной жизни // *Культура и цивилизация (Донецк)*. – Донецк, 2020. – Выпуск № 1 (11). – С. 7-18.
6. Рагозин Н.П. Традиция как социокультурная форма воспроизводства общественной жизни // *Философия и культура в гуманитарном дискурсе: материалы международной научно-практической конференции 24-25 апреля 2020 года* / Отв. редактор к. филос. наук, доц. Сулимов С.И. – Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2020. – С. 6-15.
7. Рагозина Т.Э. К вопросу о конституирующих основаниях исторического сознания // *Культура и цивилизация (Донецк)*. – Донецк, 2016. – № 3. – С. 28-40.
8. Рагозина Т.Э. Культурные нормы как формы развития истории: норма versus стереотип / Т.Э. Рагозина // *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук [Текст]: Серия «Духовная жизнь общества и человека: история и современность»* / ФГБОУ ВО «Воронеж. гос. ун-т инженер. технологий». – Воронеж: ВГУИТ, 2015. – Вып. 4. – С. 127-136.
9. Рагозина Т.Э. Культурные нормы как формы существования и развития истории / Т.Э. Рагозина // *Культура и цивилизация (Донецк)*. – 2021. – № 2 (14). – С. 27-33.
10. Рагозина Т.Э. О философском обосновании труда как процесса, производящего общество // *Культура и цивилизация (Донецк)*. – Донецк, 2020. – Выпуск № 1 (11). – С. 19-30.
11. Рагозина Т.Э. Преемственность социокультурного процесса в свете проблемы субъекта истории / Т.Э. Рагозина // *Культура и цивилизация (Донецк)*. – 2016. - № 2 (4). – С. 31-44.
12. Рагозина Т.Э. Проблема «бездомности человека в мире» или тупики «личностного монизма истории» // *Вестник МИРБИС*, 2019. – № 1 (17). – С. 15-22.
13. Рагозина Т.Э. Проблема «начала» истории, общества и культуры: труд как органическая система / Т.Э. Рагозина // *Культура и цивилизация (Донецк)*. – 2022. – № 2 (16). – С. 17-35.

References:

1. Marks K. Kapital / K. Marks, F. E`ngel`s // Soch. – Izd. 2-e. – M.: Politizdat, 1960. – Т. 23. – 907 s.
2. Marks K., E`ngel`s F. Nemeczkaya ideologiya // Marks K., E`ngel`s F. Soch., 2-oe izd. – M.: Politizdat, 1955. – Т. 3. – 629 s.
3. Ragozin N. P. Obrazy` tradicii v teoreticheskom soznanii // Kul`tura i civilizaciya (Doneczk). – Doneczk, 2016. – Vy`pusk № 1 (3). – S. 7-18.
4. Ragozin N. P. Razvitie filosofskogo ponyatiya «trud» v «Nemeczkoy ideologii» kak stanovlenie materialisticheskogo ponimaniya istorii // Kul`tura i civilizaciya (Doneczk) Nauchny`j zhurnal. – Doneczk, 2021. – № 2 (14). – S. 7-26.
5. Ragozin N. P. Tradiciya kak mexanizm vosproizvodstva obshhestvennoj zhizni // Kul`tura i civilizaciya (Doneczk). – Doneczk, 2020. – Vy`pusk № 1 (11). – S. 7-18.

6. Ragozin N. P. Tradiciya kak sociokul`turnaya forma vosproizvodstva obshhestvennoj zhizni // *Filosofiya i kul`tura v gumanitarnom diskurse: materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 24-25 aprelya 2020 goda* / Otv. redaktor k. filos. nauk, docz. Sulimov S.I. – Voronezh: Voronezhskij CzNTI – filial FGBU «RE`A» Mine`nergo Rossii, 2020. – S. 6-15.
7. Ragozina T. E. K voprosu o konstituiruyushhix osnovaniyax istoricheskogo soznaniya // *Kul`tura i civilizaciya (Doneczk)*. – Doneczk, 2016. – № 3. – S. 28-40.
8. Ragozina T. E. Kul`turny`e normy` kak formy` razvitiya istorii: norma versus stereotip / T. E. Ragozina // *Sovremenny`e problemy` gumanitarny`x i obshhestvenny`x nauk [Tekst]: Seriya «Duxovnaya zhizn` obshhestva i cheloveka: istoriya i sovremennost`»* / FGBOU VO «Voronezh. gos. un-t inzhener. tehnologij». – Voronezh: VGUI, 2015. – Vy`p. 4. – S. 127-136.
9. Ragozina T. E. Kul`turny`e normy` kak formy` sushhestvovaniya i razvitiya istorii / T. E. Ragozina // *Kul`tura i civilizaciya (Doneczk)*. – 2021. – № 2 (14). – S. 27-33.
10. Ragozina T. E. O filosofskom obosnovanii truda kak processa, proizvodnyashhego obshhestvo // *Kul`tura i civilizaciya (Doneczk)*. – Doneczk, 2020. – Vy`pusk № 1 (11). – S. 19-30.
11. Ragozina T. E. Preemstvennost` sociokul`turnogo processa v svete problemy` sub``ekta istorii / T. E. Ragozina // *Kul`tura i civilizaciya (Doneczk)*. – 2016. – № 2 (4). – S. 31-44.
12. Ragozina T. E. Problema «bezdomnosti cheloveka v mire» ili tupiki «lichnostnogo monizma istorii» // *Vestnik MIRBIS*, 2019. – № 1 (17). – S. 15-22.
13. Ragozina T. E. Problema «nachala» istorii, obshhestva i kul`tury`: trud kak organicheskaya sistema / T. E. Ragozina // *Kul`tura i civilizaciya (Doneczk)*. – 2022. – № 2 (16). – S. 17-35.

УДК 316.4+122

Д. В. Козлюк

(аспирант)

Донецкий национальный университет экономики и
торговли имени Михаила Туган-Барановского
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация)

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ И ТИПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА: ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ

***Аннотация.** Анализируется проблема концептуальной взаимосвязи социального идеала и типологии человека в контексте социально-философской проблематики. Теоретической основой анализа является тезис о том, что человек не может полноценно существовать не имея идеалов, поскольку они определяют смысл его практической деятельности и адаптацию к трансформациям информационной среды. Делается вывод: идеал – это наивысшая цель деятельности, а типология человека – определяющее средство для его достижения. Онтологическая и гносеологическая обоснованность данного вывода связывается с концептуальным проявлением принципа социального должествования.*

***Ключевые слова:** человек, общество, диалектика, мировоззрение, социальный идеал, типология, концептуальность.*

D. V. Kozlyuk

(Graduate student)

Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

SOCIAL IDEAL AND HUMAN TYPOLOGY: DIALECTICAL CONCEPTUALITY

***Abstract.** The article analyzes the problem of the conceptual relationship between the social ideal and human typology in the context of social philosophy. The theoretical basis of the analysis is the thesis that a person cannot fully exist without ideals, as they define the meaning of their practical activities and adaptation to the transformations of the information environment. The article concludes that the ideal is the highest goal of activity, and human typology is the defining means of achieving it. The ontological and epistemological validity of this conclusion is linked to the conceptual manifestation of the principle of social obligation.*

***Keywords:** person, society, dialectics, worldview, social ideal, typology, conceptualization*

Люди, будьте человечны!

Это ваш первый долг

Ж.-Ж.Руссо

В дискурсе диалектической концептуальности социальный идеал и типология человека представляют собой неразрывно связанные и когнитивно сопряженные категории познания и деятельности. В социальной парадигме познания, заданной концептом «человек – общество» они отражают стремление общества (человека) к желаемому будущему во всех формах его цивилизационной явленности (*идеал*) и созидающую возможность человека (общества) деятельным образом реализовать абсолютно все моменты своего существования в противоречиях сходства и различия явлений, процессов бытия (*типология*). Для человека, отмечал Л.Н. Толстой совпадение линии жизни с линией идеала, есть счастье. Прожить счастливую жизнь, принести пользу обществу и государству является извечной мечтой и благородным стремлением каждого сознательного гражданина.

Социальный идеал человека – это ценностная модель его познавательной активности. Субъективированный характер этой модели имеет идеальную сущность, так как отражает систему мировоззренческих устремлений индивида к достижению целей существования как человека, так и общества. В своей идейно-нравственной конкретности эта система служит концептуальной целеустановкой для социально-типологического развития личности в трансформационных условиях ее бытия. В интенциях сходства и различия, диалектически понимаемая предметность взаимодействия социального идеала человека и типологии его внутреннего мира способствует истинно верному ответу на вопросы: «Каким должен быть человек?»; «Какие социальные ориентиры детерминируют проявление типологических качеств социализированной личности?»; «Являются ли социальные мотивы побудительной силой когнитивно-типологических свойств индивида?»; «Каков рефлексивный механизм связи типа человека и его мировоззренческих убеждений?»; «В чем проявляется философия смысла социального идеала как мировоззренческой основы рациональной деятельности субъекта исторической практики?»; «Имеет ли социальный идеал свои собственные противоречия и каковы пути их разрешения?».

Феномен социального идеала человека в своей мировоззренческой сущности и определенных духовных форматах морально-нравственного отношения к действительности всегда представлял большой научный интерес. Научно-теоретическому развитию содержательных аспектов социального идеала посвящены работы Д.В. Гайдук, В.Е. Давыдовича, В.Л. Дубко, Ю.П. Ивонина, Э.В. Ильенкова, М.А. Клупт, Г.П. Ковалевой, Е.И. Жилияевой, Л.Д. Милкинен, П.И. Новгородцева, И.И. Ремезовой и др.

Во многих работах современных авторов понятие социального идеала рассматривается как мировоззренческий критерий отношения к реальности, ориентирующий человека на определенный вид деятельности по его достижению (Н.С. Мудрагей, Н.А. Новиков, С.В. Туманов, Е.Л. Черткова). Как показал анализ, в различных научных подходах социальный идеал является всеобщей формой целеполагающей деятельности людей, объединенных вокруг общей идеи на основе соци-

альных интересов, морально-нравственных взглядов, национальных убеждений и религиозных верований [2, с.13-14]. Особого внимания заслуживает диссертационное исследование А.В. Токранова «Социальный идеал как средство формирования субъекта социального действия», в котором социальный идеал обосновывается в качестве интегративного средства полагания, тем самым приобретая статус важного структурного компонента социального действия и ответственного отношения человека перед обществом.

Чтобы оценить истинный смысл категории «социальный идеал человека», необходимо понимать его как наиболее совершенный, желаемый и общественно одобряемый образ мысли личности, смысловая конструктивность которой определяет достижимый характер ее созидательной деятельности. Несомненно, этот образ детерминирован различными явлениями и процессами общественной среды. В этом отношении социальный идеал, как абсолютная ценность, приобретает социальное качество интенционального единства мыслительной и деятельной активности личности с различными формами ее познания.

Идеал (франц. *ideal*, от греч. идея, первообраз) – это идеальный образ мысли, определяющий стремление человека к самосовершенству и осознанному достижению целей в процессе социально-практической деятельности. Социальный идеал служит основополагающим фактором объективной и субъективной практики человека, который способен духовно-нравственным и антропо-культурным образом конструктивно осмысливать результаты своей трудовой активности.

В извечном социально-историческом стремлении человека к совершенству труд является *субстратом*, который позволяет идеалу человека обрести форму реализации, а идеал служит духовной *субстанцией*, наполняющей трудовую деятельность индивида конкретным смыслом и общественным признанием. Говоря о диалектико-материалистическом понимании генезиса человека и созидательной природе человеческого труда, Т. Э. Рагозина особо акцентирует внимание на том, что такое «понимание человека как существа социального, ... стало возможным только в рамках марксистской концепции всемирной истории как «*процесса порождения человека человеческим трудом*» (К. Маркс)» [7, с. 44].

Важно понимать, что социальный идеал не является универсальным для всех времен и народов. Он антропо-исторически обусловлен и диалектико-типологически зависит от конкретных социально-экономических, политических и культурных условий той или иной общественной среды. К примеру, идеал в Древней Греции, может радикально отличаться от идеала человека в современном информационном обществе. Более того, внутри одного и того же общества могут существовать различные представления об идеале, отражающие интересы разных социальных групп и слоев населения. Позитивное взаимодействие этих представле-

ний является движущей силой общественного развития, нацеливая человека и общество к постоянному переосмыслению и обновлению своих идеалов.

Онтология социального идеала человека носит объективный характер целесообразной или нецелесообразной характерности. В социально-типологической динамике диалектического взаимодействия объективных условий бытия и субъективных намерений личности происходят определенные логико-когнитивные изменения, связанные с мировоззрением человека, его чувствами, эмоциями, логикой разумных действий (И.Б. Гаврилов, Д.В. Лучкова, В.А. Микосянчик, А.А. Овчаров, В.В. Яроцкий).

В социальной практике жизнедеятельности человека и общества идеал выступает в различных форматах субъективно предполагаемого в конкретной содержательности объективно достигаемого. Эффективность этого целедостижения во многом зависит от потенциала мыслительной деятельности человека, его развитых рефлексивных способностей. Исходя из этого, в парадигме «предположение – достижение» этот смыслодеятельный аспект можно гносеологически специфицировать в концептуальном плане истинно верного представления человека о желаемом будущем. Данное представление закономерно приобретает, кардинально формируется и рефлексивно корректируется в целенаправленном процессе изменения объективной и субъективной реальности с помощью различных форм мыслительной активности и результатов практической деятельности социализированной личности. Подчеркивая эти особенности и говоря о рефлексивно-смысловой организации субъективного мира человека, Ю.М. Лустин утверждает: «Конструктивность типологического потенциала рефлексии в деятельности субъекта социальности определена вектором проявления когнитивной избранности результатов мыслительной деятельности человека в направлении её эффективности» [4, с. 118-119].

Суть социального идеала заключается в гармоничном сочетании личных и общественных интересов в их интегрированной направленности на всестороннее развитие типологии (типа) человека и типа (типологии) общества. Он предполагает совершенствование в человеке таких типологически определенных качеств, как ответственность, справедливость, милосердие, стремление к знаниям и позитивной трудовой активности, уважение к другим людям и окружающей среде. В своей онтологической и гносеологической сущности социальный идеал предстает в качестве смыслового образа понимающего мышления деятельного человека, способного к самосовершенствованию, творчеству и активному участию в жизни государства и гражданского общества.

В широком смысле слова социальный идеал представляет собой важнейший элемент структуры человеческого мировоззрения. Он придает культуроемкий смысл системе ценностных ориентаций субъекта общественной практики, определяет долженствующие ориентиры его жизненной позиции. Патриотическая составляющая позитивно направленных социальных воззрений человека проявляется в

его беззаветной преданности Отчизне и многовековым традициям многонационального русского народа, готовности защищать их интересы.

Как таковой социальный идеал обладает общественной природностью социального бытия. Как известно, в своей познавательной активности человек интуитивно или логически использует категориальный аппарат философского знания, который является основой его духовно-нравственных ориентаций и мировоззренческих убеждений.

Идеал и духовность человека органически взаимосвязаны. Еще Г. В. Гегель указывал на то обстоятельство, что основным идеалом для человека служит бог, а человек есть его подобие. Стало быть, человек понимает реальность с помощью некоего субстанциализированного Абсолюта, изначально дающего ему различные понятия, формы «правильных» умозаключений, следование которым закономерно и необходимо. В гегелевской философской концепции о единстве бога и человека идеальный образ Творца предстает как «явление существенного» и этот образ (идеал – автор) для человека есть «*образ налично сущей необходимости*» [1, с. 147].

С материалистической точки зрения социальный идеал детерминирован философией жизни человека, определяющей универсальный познавательно-мировоззренческий стиль его жизнедеятельного существования. Исходя из этого методологически важного утверждения, можно заключить: аксиологическая функция философии является фундаментальной детерминантой для формирования ценностного содержания социального идеала. Вот почему, по мнению И.Р. Канчурина, А.М. Халитовой, Г.Д. Ямгурсина «делом философии является поиск универсальных ценностей нашего бытия. По-разному представляя себе эти ценности, все философы считают своим делом уяснение их природы. Решая такую задачу, философия выступает обобщением всей духовной культуры, трансформируя ее содержание в знания об основных ценностях бытия человека. Поэтому философию можно определить как совокупность учений об общезначимых, универсальных ценностях человеческого существования» [3, с. 714].

В контексте социального-методологического познания целесообразно понимать социальный идеал и типологию человека в качестве неких концептов научного знания. Концепт – это квант знания [9], выступающий структурообразующим ядром постижения действительности. В контексте философско-типологического познания диалектическая концептуальность представляет собой некую существенность, производную от понятия «концепт». Как следствие, *диалектическая концептуальность* – это степень осмысленного познания человеком глубины всеобщих идей о картине мира посредством их теоретического обобщения в системе взаимосвязанных категорий научного знания, исходя из достигнутого уровня развития мировоззрения и типологии (типовой определенности внутреннего мира) индивида. Являясь организующим принципом социально-типологической активности

человека, концептуальность служит ключевым фактором успеха в любой его деятельности, требующей креативности и интеллектуальных усилий. Иначе говоря, концептуальность социального идеала и типологии человека представляет собой диалектический формат социализированных связей и взаимодействий, выражающий отношение мировоззренческого бытия личности к себе самой и типологии деятельности другого. Знание того, как поступать (действовать) в различных ситуациях бытия доминантно определяет когнитивное содержание этих действий, исходя из типологических свойств человека и Другого. В этом отношении типология человека тождественна проявлениям индивидуальной субъективности, что находит фокус своего экзистенциального выражения в различных модусах социальности: мировоззренческом, идейно-нравственном, этико-религиозном, политико-идеологическом, культурно-бытовом. Этим экзистенциальным основаниям бытия закономерно соответствуют мировоззренческие идейно-нравственные, этико-религиозные, политико-идеологические, культурно-бытовые идеалы человека и общества. В конечном счете, социальный идеал и типология человека – это не просто абстрактные понятия научного знания, а мощные концептуальные факторы интеграции и цивилизационно-ценностного регулирования общественного развития.

В практической деятельности индивида диалектическая взаимосвязь концептов «социальный идеал» и «типология человека» сопряжена с методологией проявления *принципа социального долженствования*. Концептуальное содержание этого принципа отражает в психологии, сознании, мышлении и деятельности человека многие особенности социального идеала, к основным из которых можно отнести:

- *универсальность*. Идеал стремится к обобщению высших добродетелей и форм поведения человека;
- *трансцендентность*. В содержательных интенциях схождения и различия виртуального пространства идеал может «выходить» за пределы наличной действительности, находясь в предметном поле объективных намерений и благих устремлений личности, исходя из типологии ее индивидуальности;
- *гуманность и эмпатия*. Способность сопереживать, понимать чувства других людей, проявлять сострадание и уважение к человеческому достоинству независимо от статуса, расы или убеждений – одна из аксиологических составляющих целеустремленного человека;
- *приверженность истине*. Отсутствие лжи и лицемерия, выполнение взятых на себя обязательств, осознание последствий своих действий и готовность отвечать за них перед обществом и самим собой – коренное качество социальной сущности личности;
- *ретроспективная и креативная рефлексивность*. Идеал аккумулирует в себе систему мер социального долженствования в многократно повторяющемся опыте достижения человеком возвышенных целей своей жизнедеятельности, не доходя при этом до предела своих репрезентативных возможностей.

Достижение поставленной цели человеком возможно с помощью рефлексии. В системе социальных ценностей человека высокий уровень рефлексии определяет смысловой выбор определенного образа действий более рациональной характерности. В этом плане образ (мыслеобраз) цели выступает как ретроспективно-опытный образец для действия, следование которому креативно направляет созидательную деятельность человека в правильном направлении.

Выявленные особенности социального идеала, с одной стороны, конкретизируют его системно-понятийный характер, который детерминационно направлен на познание человеком духовно-нравственного смысла картины мира, мировоззренческий выбор осознанных социальных действий. С другой стороны, социальный потенциал идеала способствует идейному осмыслению человеком самого себя на основе постоянного стремления к совершенству и самореализации, развитию своих талантов, способностей, навыков и умений [8].

Социальный идеал – феномен общественный. Он тесным образом связан с типологией рефлексивного мышления человека, когнитивно обеспечивая его мировоззренческую устойчивость, морально-этическую избранность, общественную коммуникабельность, коллективную ответственность в процессах индивидуального целевого самодостижения. Этот смысловой феномен деятельной направленности рефлексивно содержит в себе образы предполагаемых практических действий сознательной личности, что диалектически способствует истинной организации ее мыслительных воззрений, чувственно-волевым образом направленных на концептуальное преодоление противоречий социального бытия. Подчеркивая креативную и смыслоопределяющую роль рефлексивного потенциала мыслительной активности познающего человека Ю.М. Лустин обоснованно утверждает: «Диалектико-материалистическая доминантность рефлексивных способностей, определяет их образномыслительную существенность в креативном мышлении личности» [5, с. 94].

В контексте диалектики «должного» и «сущего» концептуальность диалектической связи социального идеала и типологии человека становится реальной если рассматривать ее в качестве противоречивых и неразрывных моментов единого процесса личностного развития. Диалектическая концептуальность этого динамического синтеза является результатом постоянного видоизменения и обновления различных моментов человеческой жизнедеятельности, в которых “должное” постоянно трансформирует “сущее”, а “сущее” закономерно корректирует контуры “должного”. Вот почему идеал задает вектор конкретного движения человека к цели, а типология человека в своем сущностном многоподобии его индивидуальных свойств обеспечивает реалистичность в достижении идеала.

Идеал – наглядно созерцаемый образ цели, говорил еще Г. В. Гегель. Безусловно, идеал как созерцаемый образ цели специфическим образом конструирует-

ся в мышлении человека. Это уже осознаваемый (осмысленный), но еще не полностью наличный (реализованный) образ целевой устремленности индивида.

Образ цели и сама цель обладает диалектической потенциальностью, концепт-модельной всеохватностью. Человек с помощью типологического потенциала своего внутреннего мира познавательного движется к цели-идеалу, поскольку его собственная сущность требует конкретного воплощения. Созерцание образа цели необходимо, поскольку оно придает направление воле и действию человека, конструктивно направляя диалектический процесс от реального восприятия к действительной реализации на практике.

Несомненно, эффективность деятельности человека во многом зависит от смысловой определенности мировоззренческих ценностей и нравственных интересов, находящихся в основании социального идеала. Говоря о диалектико-типологических особенностях мышления человека в проектировании образа цели Ю. М. Лустин утверждает: «Типология человека способствует созданию концептуальных моделей, ... рациональной деятельности, в которых идеал является основополагающим элементом в конструировании образа самой цели» [6, с. 61].

Резюмирую сказанное выше, стоит отметить: идеал – это наивысшая *цель* деятельности, в достижении которого типология человека выступает определяющим *средством*. В этом значении, типология человека преимущественно ориентирована на сознательное использование различных ценностных установок конкретного общества и мировой цивилизации в целом.

Социальный идеал – это важнейший элемент мировоззрения, в главном и основном определяющий целостность и смысл системы ценностных ориентаций индивида. Его основная миссия – ориентация субъекта общественной практики на целесообразную деятельность в различных сферах его жизнедеятельности (социальной, экономико-правовой, психологической, культурно-исторической, интеллектуальной, бытовой, экологической, национально-религиозной, виртуальной и др.).

Объективным основанием социального идеала является проявление диалектики общественного бытия и общественного сознания. Социальная онтология идеала человека носит объективный характер целесообразной или нецелесообразной направленности, позитивной или негативной характеристики. Гносеологическая сторона идеала представляет собой конструктивную составляющую рефлексии внутреннего мира индивида, которая способствует субъективному синтезированию идеальных представлений личности об отраженном и их логико-когнитивной трансформации в целостный образ практической деятельности.

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Философия религии. В двух томах. Т. 2. Общ. ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. П.П. Гайдено и др. М., «Мысль», 1977. – 573 с. (АН СССР. Ин-т философии. Философское наследие).
2. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Закон самоорганизации социальных идеалов и глобализация культуры // Вестник СПб. ун-та. Сер. Философия, этика, религиоведение, 2005. – №1. – С. 13-20.
3. Канчурин И.Р. Философия как вид мировоззренческого знания / И.Р. Канчурин, А.М. Халитова, Г.Д. Ямгурсин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 3 (137). – С.712-714. – URL: <https://moluch.ru/archive/137/38526/> (дата обращения 26.02.2023)
4. Лустин Ю. М. Типологическая рефлексия личности: концептуальность социально-философского осмысления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 3. С. 111–122. DOI: 10.18384/2310-7227-2022-3-111-122
5. Лустин Ю.М. Рефлексивное мышление студента в гносеологической доминанте цифрового образования // Электронный научный журнал «Архонт», 2022. – № 5 (32). – С. 93-102.
6. Лустин Ю. М. Личность, типология, общество: диалектика социальной рациональности: монография, – Донецк: Изд-во ДОННУЭТ, 2023. –340 с.
7. Рагозина Т.Э. Человек как предмет философской рефлексии // Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27-28 апреля 2021 года / Отв. редактор к. филос. наук, доц. Сулимов С. И. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2021 – С.35-45.
8. Феномен социального идеала и судьбы России : [монография] / Р. Е. Селеверстов, Г. А. Селеверстова; [науч. ред. М. П. Арутюнян]. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2019. – 184 с.
9. Юсупова Л. Г., Песина С.А. Концепт как квант структурированного знания // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты, 2014. – № 15. – С. 115-159.

References:

1. Hegel, G.W.F. Philosophy of Religion. In two volumes. Vol. 2. General ed. by A.V. Gulyga. Translated from German by P.P. Gaydenko et al. Moscow, Mysl, 1977. – 573 p. (USSR Academy of Sciences. Institute of Philosophy. Philosophical Heritage).
2. Bransky, V.P., and Pozharsky, S.D. The Law of Self-Organization of Social Ideals and the Globalization of Culture. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya Filosofiya, Ehtika, Religiovedenie, 2005, no. 1, pp. 13-20.

3. Kanchurin, I.R., Khalitova, A.M., and Yamgursin, G.D. Philosophy as a Type of Worldview Knowledge. *Molodoy Uchenyy*. – 2017. – No. 3 (137). – Pp. 712-714. – URL: <https://moluch.ru/archive/137/38526/> (accessed on 26.02.2023)
4. Lustin Yu. M. Typological reflection of personality: the conceptuality of socio-philosophical understanding // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical sciences*. 2022. No. 3. pp. 111-122. DOI: 10.18384/2310-7227-2022-3-111-122
5. Lustin Yu.M. Reflexive Thinking of a Student in the Epistemological Dominant of Digital Education // *Electronic Scientific Journal "Archon"*, 2022. – No. 5 (32). – Pp. 93-102.
6. Lustin Yu. M. Personality, Typology, Society: Dialectics of Social Rationality: Monograph, – Donetsk: DONNUEET Publishing House, 2023. – 340 p.
7. Ragozina T.E. Man as an Object of Philosophical Reflection // *Philosophy and Culture in the Humanitarian Discourse. Proceedings of the International Scientific and Methodological Conference held on April 27-28, 2021 / Edited by Candidate of Philosophy, Associate Professor. Sulimov S. I. – Voronezh : Voronezh Center for Scientific and Technical Information – branch of the Federal State Budgetary Institution “Russian Energy Agency” of the Ministry of Energy of the Russian Federation, 2021 – Pp. 35-45.*
8. The phenomenon of the social ideal and the fate of Russia : [monograph] / R. E. Seleverstov, G. A. Seleverstova; [scientific ed. M. P. Arutyunyan]. – Khabarovsk : Publishing House of the Pacific State University, 2019. – 184 p.
9. Yusupova L. G., Pesina S. A. Concept as a Quantum of Structured Knowledge // *Fundamental and Applied Research: Problems and Results*, 2014. – No. 15. – Pp. 115-159.

П о л и т и ч е с к и е н а у к и

УДК: 329.18:316.323.6

А. С. Армен

(кандидат философских наук, доцент кафедры философии)
Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

ГЛОБАЛЬНЫЕ КРИЗИСЫ КАПИТАЛИЗМА И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье идёт речь о нарастающей фашизации современных обществ как следствии кризиса всей экономической системы капитализма. Автор указывает на конкретные явления и процессы в социально-политической сфере современных государств, свидетельствующие об усилении тенденции фашизации.

Ключевые слова: экономический кризис, поздний капитализм, социальная атомизация, политическая технология, идеология, социальное неравенство, фашизация масс.

A. S. Armen

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)
Donetsk National Technical University
Donetsk, Donetsk People's Republic
Russian Federation

GLOBAL CRISES OF CAPITALISM AND THEIR SOCIAL CONSEQUENCES

Absrtact. The article discusses the growing fascization of modern societies as a consequence of the crisis of the entire economic system of capitalism. The author points out specific phenomena and processes in the socio-political sphere of modern states that indicate an increasing trend of fascization.

Keywords: economic crisis, late capitalism, social atomization, political technology, ideology, social inequality, the fascization of the masses.

Экономические кризисы всегда сопровождались процессами разрушительного характера: конфликтами, войнами, упадком культуры и нравственности, аномией и углублением отчуждения. Сегодня речь идёт о глобальном кризисе капитализма, т. е. о кризисе, во-первых, мировом, во-вторых, системном, как в смысле

кризиса всей экономической системы, так и буржуазной цивилизации в её социально-экономическом, политическом, в целом, культурном содержании. Закономерным явлением подобного положения явилось и такое явление как фашизация масс.

На современном этапе общественного развития, его общемировая тенденция в науке характеризуется как кризисная. Политическая нестабильность, экономические риски, ядерная угроза, гегемония транснационального капитала, рост социального неравенства и доступа к ресурсам, экологические катастрофы, тотальная цифровизация, пропаганда трансгуманизма представляются уже атрибутивными характеристиками современного мира. Более того, сегодня общественно-политические и экономические процессы протекают с гораздо более высокой интенсивностью, нежели 50 лет назад. Подобные процессы диктуют востребованность тех или иных общественно-политических идей и догм, усиливая тенденцию фашизации (если не явного фашизма), ставшей объективной политической данностью большинства современных государств. Нарастающее противостояние крупнейших международных акторов (империй), подобное тому, которое имело место на мировой политической арене в начале XX века, обостряет угрозу мировой войны с целью передела сфер влияния (мирового господства), а именно, ресурсных баз, всеобъемлющей власти как таковой. В. И. Ленин, подчеркивая реакционный характер империализма, писал: «...Политически империализм есть вообще стремление к насилию и к реакции» [3, с. 388].

Известно, что в Европе фашизм проявился после завершения Первой мировой войны, когда ослабленная и растерзанная военной борьбой, осознавая в качестве причин войны столкновение интересов капитала, она явила различные разновидности милитаристских, в том числе националистических режимов, явившихся одним из следствий кризиса капитализма (1929-1933). Это был первый системный кризис капиталистического строя, разъедающий все сферы существования буржуазного общества. И фашизм как реакция на многоплановый кризис содержит в себе все аспекты его многогранности – экономические, политические, социальные, психологические, военные.

Исторически фашизм возник как движение противостояния рабочей революции в Италии на рубеже 1910-1920-х годов. В это время сложилась экономическая и социально-политическая ситуация, которая способствовала формированию революционного рабочего движения. Более того, существовали массовые социалистические партии, которые всерьез ставили вопрос о пересмотре капитализма и рыночного представления о природе человека. И фашизм стал ответом на этот социалистический вызов. Примечательно, что его ключевой силой, питающей фашистские настроения, явились не государственные структуры, а крупные промышленники и аграрии, которые не просто финансировали фашистские организации, но и всячески способствовали их развитию. То есть, как историческое явление фашизм

появился извне государства, оказавшегося неспособным остановить нарастающее рабочее движение.

Ситуация в Германии складывалась похожим образом. Мировой экономический кризис 1929 г. спровоцировал те же кризисные тенденции, как в промышленном, так и в аграрном секторе германской экономики. Последний привел к разорению миллионов крестьян, мелких буржуа, ремесленников. Социально-экономические последствия кризиса (безработица, нужда, голод) буржуазия стремилась переложить на плечи трудящихся, что привело к возрастанию степени недовольства трудящихся масс, усилению антикапиталистических настроений и росту забастовочной активности. Такие тенденции закономерно обусловили рост влияния коммунистических сил. Все перечисленные процессы представляли реальную угрозу для положения буржуазии (позиций монополистического капитала). Её наиболее реакционные круги сделали ставку на фашизм (с его открытым насилием) как способ преодоления сопротивления рабочих, разрушения глобально Версальского миропорядка и Веймарской республики – в частности. Заручившись поддержкой фашистов, реакционная буржуазия рассчитывала не только упрочить своё положение и влияние во внутриполитической сфере, но и будучи неудовлетворенной статус-кво, сложившимся после окончания Первой мировой войны, изменить его, инициировать новый виток агрессивных войн за установление мирового господства. «...Версальский договор это есть договор хищников и разбойников», – писал В. И. Ленин, акцентируя, что «международный строй, порядок, который держится Версальским миром, держится на вулкане...» [4, с. 353]. По своей сути уничижительные, антидемократические и грабительские для немецкого государства условия Версальского договора были хитро использованы империалистическими и милитаристскими кругами для того, чтобы посеять зерно шовинизма, реваншизма и поднять градус ненависти среди народных масс, в особенности в среде представителей мелкой буржуазии.

Выгода и благо для Германии состояли, по мнению, олигархии, в уничтожении рабочего движения и самой марксистской идеи, ликвидации парламентаризма и установлении жесткой диктатуры, исключении евреев-капиталистов из ключевых сфер общественной жизни, в отказе от выполнения положений Версальского договора и наращивании военной и финансовой мощи для установления господствующего положения в Европе.

Примечательно, что в германской версии фашизма – национал-социализме присутствовали элементы «левой» повестки (и не только в названии, но и в программе партии). Но это «социализм», учитывающий интересы и благополучие лишь одной нации, причем за счет других – тот же «пучок», но на националистической основе. Очевидно, что советская идеология и практика интернационализма и равенства всех народов никак не устраивали идеологов Третьего рейха.

Классическим марксистским определением фашизма, которое позже послужило основой для дефиниций в советской научной традиции, считается то, которое прозвучало в докладе генерального секретаря Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (Коминтерна) Г. М. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» на VII Всемирном конгрессе Коминтерна летом 1935 г. Фашизм трактуется в нём как открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала [2, с. 6]. Возникает вопрос, означает ли факт отсутствия открытой диктатуры и насилия отсутствие фашизма как общественно-политического явления? Или же корни фашизации кроются не в диктатуре, которая является не причиной, а следствием. Причины же фашизма – в неостановимой экспансии капитала, в его борьбе за ресурсы и власть, невзирая ни на какие государственные и этические границы?

Если социальной базой фашизма XX века была мелкая буржуазия, деклассированные представители «низов», то сегодня носители фашистского гена присутствуют и множатся в различных социальных слоях. Фашизация сознания происходит повсеместно в мире вместе с ростом и углублением глобального кризиса капитализма.

Отметим, что общество позднего капитализма, вступившее в острую фазу кризиса своих основ, само по себе, является благодатной почвой и ареной для распространения подобных тенденций. Характерная для такого общества атомизация и разобщённость, сосредоточенность на индивидуальном, низменном, бытовом при демонстративном пренебрежении идеями созидания и деятельности во благо общества, борьбы за идеалы, солидарности во имя высокой цели и героизма.

Казалось бы, в обществах бывшего Советского Союза существует некий идеологический «иммунитет» в виде исторической памяти и более 25 миллионов погибших соотечественников в ходе Великой Отечественной Войны (1941-1945). Однако сегодня, помимо очевидного примера, который явили страны Прибалтики и стремительно фашизировавшаяся Украина, некоторые учёные и политические деятели с обеспокоенностью констатируют угрозу фашизации России [1, с. 206].

Что же касается российского общества, то в нём наблюдается явная разобщённость большинства населения и представителей финансового капитала, есть и другие виды деконсолидации, а деконсолидированные общества, как правило, становятся основой для реализации интересов правящих элит. Такой политический режим не нуждается в массовых движениях (подобно фашистскому в Италии). Фашизация распространяется сверху, исключительно силами аппарата государства.

Идеологический вакуум периода первичного накопления капитала в России и других государствах постсоветского пространства имел свою специфику и резко негативно отразился на политических установках россиян. Ценности коллективиз-

ма, характерные для советского периода, отступили перед манящими образами неограниченного индивидуализма и «золотого тельца». Более того, современное российское общество является ещё более индивидуалистским, нежели западное, для которого различные формы самоорганизации характерны в гораздо большей мере.

Так, последние 35 лет торжества либеральных ценностей сформировали крайне индивидуализированное, разобщённое, атомизированное общество острого социального неравенства и конкуренции. Последнее обстоятельство активно обращают в свою пользу элитарные заинтересованные группы.

Сегодня идеологическая сфера в России очевидно нуждается во внимании. В погоне за демократическим соответствием из Конституции была ликвидирована статья о государственной идеологии, что в числе иных предпосылок становится благодатной почвой для идеологических спекуляций.

Современные политические элиты опасаются дискредитировать себя идеями откровенно ксенофобского толка. Как правило, в публичном дискурсе тема этнических, расовых, половых, религиозных различий подчинена этосу политкорректности. И, невзирая на это, угроза фашизации становится реальной там, где звучат идеи ранжирования и разделения на основании доступа к информации, образованию, социальным и материальным благам различного толка.

Одним из ключевых источников, питающих эту опасность, является деградация сферы образования. Справедливо утверждение, что советская система образования и сегодня признаётся наиболее эффективной в мире. Её универсальный характер способствовал развитию мышления и обучению всех без исключения детей как представителей элиты. Стратегическая же цель современной западной системы образования – это социальная селекция: разделение людей на элиту, т.е. призванных рефлексировать и принимать управленческие решения и соответственно, массу – способных лишь потреблять и подчиняться. Одним из ключевых идеологов подрывной деятельности в образовательной сфере РФ является Г. Греф – председатель правления и президент крупнейшего банка с государственным участием, который своими многочисленными заявлениями с самых высоких трибун и уже реализуемыми проектами практически лишает Россию образовательного суверенитета.

Наряду со «Сбером», такие агенты глобализма как АСИ (Агентство стратегических инициатив (АСИ)), НИУ «ВШЭ» и прочие, фактически ведут демонтаж традиционного отечественного образования по западным образцам и в интересах западных бизнес-элит. Так, бесплатное, очное образование, которое когда-то обеспечило советскому государству первенство во многих сферах и отраслях науки, вполне вероятно заменит цифровое, «персонализированное», в котором развитие системного мышления уступит место «индивидуальной траектории развития» школьника (разумеется, исходя из интересов и запросов государства или «курирующих» образование структур, например, ОЭСР) [5].

В своих выступлениях, в том числе, перед студенческим сообществом, Греф неоднократно озвучивал три взаимоисключающих качества, которыми, по его мнению, должен обладать «человек будущего» для достижения социального успеха: высокий уровень креативности, наличие системного мышления и умение достигать поставленных целей. Данные критерии есть ни что иное, как своеобразные фильтры, преодолеть которые в состоянии лишь очень небольшой процент молодых людей. Не означает ли это, что «люди будущего» получают неограниченную власть над большинством? Подобное положение дел угрожает полным демонтажом государства как политического института и приватизацией власти в стране транснациональными банковскими структурами.

Кроме того, в марте 2025 года Госдумой РФ принят закон «О проведении эксперимента по расширению доступности среднего профессионального образования» [6]. За столь прогрессивной формулировкой скрывается отнюдь не демократическая цель, а именно спланированная дифференциация школьников на старте учебных и карьерных возможностей. Новый закон-эксперимент создаёт возможность ограничения молодому поколению россиян обучения в 10-11 классах, тем самым, нарушая законодательно закреплённое право на получение среднего общего образования, которое, следовательно, будет рассматриваться как привилегированное.

Следует отметить, что сегодня фашизм приобретает новые формы. Современный фашизм вбирает в себя принципиально новую составляющую – цифровую. Ведь, если диктатура не осуществляется открыто силовыми методами, это вовсе не означает реальность демократии. Именно такой, новой формой диктатуры является цифровой фашизм. Повсеместно мы наблюдаем тенденцию по ликвидации или обходу законов, связанных с конфиденциальностью и запретами на эксперименты над человеком, пропаганду трансгуманизма, популяризацию электронной валюты. Финансовый бизнес России, а именно, крупнейший банк страны – «Сбер», а по сути – технологическая корпорация, топ-менеджмент которой декларирует необходимость полномасштабного внедрения и использования технологий искусственного интеллекта не только в целях интенсификации банковских и бизнес-процессов, но и в других сферах общественной жизни (проекты в области здравоохранения и образования), в том числе, связанных с деятельностью государственных структур (выдача паспортов, водительских прав).

Таким образом, именно финансовый бизнес концентрирует в своих руках наибольшие объёмы информации (в т.ч. и личной) о гражданах благодаря монополии на создание различных биометрических систем. Очевидно, что тотальная информатизация общества обусловит новые возможности управления им. Так, например, реализация концепции «умного государства», представляет собой не только цифровизацию процессов в государственном управлении с целью увеличения их прозрачности и демократичности. В основе концепции лежит социальное ранжирование граждан на основе анализа системами искусственного интеллекта

поведения каждого конкретного гражданина в различных сферах общественного взаимодействия, маркируя его как «образцовое» или же «неблагонадёжное». Что, в свою очередь, обуславливает неравный доступ к образованию, рабочим вакансиям, возможностям льготного кредитования и пр.

Отметим, что сегодня фашизм принимает новую, ещё не осмысленную теоретиками форму – политической технологии. Появившись на маскараде в военной форме времен нацистской Германии в 2005 году, британский принц Гарри едва не дискредитировал весь британский королевский дом, но «двойные стандарты» уже стали характеристикой европейских политических элит. В своей официальной риторике европейские элиты отрекаются от сотрудничества с нацистами, хотя не видят никаких противоречий с этими декларациями, поддерживая современный украинский режим. Несмотря на тот факт, что Великобритания входила в антигитлеровскую коалицию, а У. Черчилль участвовал в послевоенном переделе мира, в истории бывшей колониальной империи есть несколько эпизодов, указывающих на определённую лояльность британских элит различных эпох как к германскому фашизму 30-х годов (нацистское приветствие британской сборной по футболу в Берлине в 1938 году), так и к откровенно нацистскому киевскому режиму современного образца (чествование британскими парламентариями украинских неонацистов из «Азова» в Лондоне в 2024 году). А недавний инцидент с участием представителя российской либеральной псевдоэлиты на приёме в британском посольстве в Москве, связанный с нацистским приветствием в адрес участников акции протеста, вскрывает не только проблему антироссийских настроений российского олигархата, но и полномасштабной военной поддержки Украины со стороны Великобритании, вплоть до планирования террористических операций на территории РФ. То есть, в угоду внешнеполитическим и личным амбициям оправдывается идея исключительности и превосходства, а также становится допустимым публичное заигрывание с фашизмом.

Кроме того, часто реальные «правые» взгляды маскируются за категориями «патриотизма» и «традиционных ценностей». Так, в сентябре 2025 года в официальной резиденции Законодательного собрания Санкт-Петербурга состоялась, инициированная российским олигархом К. Малофеевым и медийным философом А. Дугиным, учредительная конференция Международной лиги антиглобалистов «Паладины», в котором приняли участие представители правых организаций из Испании, Франции, Бельгии, Венгрии, Греции и других стран. По факту представительства можно уверенно говорить о том, что в сердце страны-наследницы Победы, в которой фашизм запрещён на законодательном уровне, в городе, пережившем невиданную в истории 900-дневную блокаду, во время активной фазы СВО, идейные последователи Франко и всех тех, с кем вело борьбу советское государство в 1941-1945, открыто демонстрируется нацистское приветствие. Возникает вопрос: какие

смыслы и идеи транслируют населению представители российской элиты под вуалью защиты «традиционных ценностей» и борьбы с «международным Содомом» и почему это происходит при попустительстве официальных властей?

Публичные заявления российских политиков о том, что эпоха подчинения западу закончилась, а Россия находится в авангарде борьбы с западной гегемонией за установление справедливого миропорядка и укрепления собственного суверенитета, пока, увы, остаются в плоскости официальной риторики. Ведь понятия «патриотизм» и «защита суверенитета» слабо коррелируют с наличием зарубежных активов и недвижимости, находящихся в собственности семей представителей российской элиты, в том числе, и военно-политической. Здесь уместно назвать ещё один маркер фашизации российского общества – элитаризм. Элитаризм – концепция, легитимирующая социальное расслоение на управляющих и управляемых и оправдывающая, соответственно, превосходство любого рода, в том числе и насилие.

Элитаризм корнями уходит в аристократичность и тешит самолюбие носителей подобной идеологии. Жёсткая иерархия и закрытость способствуют тому, что элита, с одной стороны, всё больше обособляется от общества, а с другой, деградирует в собственной изоляции и безнаказанности. Диктатура меньшинства, признание её целесообразности неминуемо приводит к фашизму. Недвусмысленные реплики представителей политического и творческого истеблишмента России в адрес российского большинства выражают скрытую доктрину российских элит по отношению к своему народу и суть вертикали власти. Пренебрежение, демонстративное безразличное отношение к нуждам простых людей, и вместе с тем, традиционная для официальной риторики идея великого, непобедимого народа – прямая отсылка к одному из признаков фашизма по У. Эко [7, с.74].

Итак, какие ещё признаки фашизма отчетливо проявляются в общественно-политическом бытии современных государств? Во-первых, это поиск и попытка перекладывания политической ответственности на внешнего врага: демонизация, откровенно русофобская / украинофобская риторика, характерные для медийного пространства обоих государств. Так, псевдополитические, а на самом деле, пропагандистские ток-шоу федеральных каналов способствуют лишь генерации ненависти и продуцированию невежества. Подменяя воспитание истинной политической инициативы у населения зрелищем, информационный продукт такого рода создаёт иллюзию причастности и вовлечённости, политизированности. На самом же деле, происходит обратное – зрелище остаётся лишь зрелищем, потребность в котором растёт (как в Древнем Риме – «Panem et circenses!»), а в сознании аудитории множится неудовлетворенность и политический абсентеизм. Во-вторых, это культ войны и насилия, навязываемый той же пропагандой.

Помимо милитаризации общества, распространения соответствующей господствующей идеологии мифологии (загадочное этнографическое явление «древние укры») одновременно обуславливают фашизацию масс и являются её характерны-

ми чертами устойчивая тенденция на антиинтеллектуализацию общества и культурный примитивизм. Это, в-третьих. В большинстве государств капиталистического мира планомерно осуществляется программа по примитивизации массового образования и культуры. В её истоке – самая что ни на есть фашистская концепция о том, что общественным массам образование и высокая культура не только не нужны, но и вредны. Очевидным инструментом разложения (если не расчеловечивания) служит современная российская массовая культура. Официальная государственная повестка – защита традиционных ценностей и семейного благополучия, а фактически за счёт средств из федерального бюджета организованы мероприятия в духе «BK FEST», участники которого не демонстрируют приверженности этим самым ценностям, а их творчество, содержащее откровенную пропаганду антиобщественного поведения, запрещённых веществ, разврата должно стать сферой интересов силовых структур.

Культурный хаос, нравственное падение обуславливает фрагментарное мышление современного человека. Следовательно, создаются оптимальные условия для различного рода манипуляций общественным сознанием (как со стороны отдельных политических акторов, так и социальных и политических институтов). Хрестоматийная манипулятивная технология, хорошо и всем знакомая по сюжетным линиям антиутопий XX века – это фальсификация истории. Украина – яркий и печальный тому пример. Что касается современной РФ, то полномасштабный идеологический подкуп здесь ведётся по линии искажения реалий СССР и роли его лидеров в истории, в попытке «отменить» весь советский пласт в истории и культуре России, что само по себе является признаком фашизации как ярый антикоммунизм. Необходимо отметить, что подобная кампания носит абсолютно деструктивный, антиобщественный характер, поскольку целенаправленно разворачивается в драматических для общества и государства условиях ведения СВО с целью ещё большего раскола общества и направлена на подрыв национального самосознания. Свидетельства тому – снос памятников советского периода, откровенно заказная медийная провокация против самого основателя СССР – В. И. Ленина (псевдоисторический проект «Мумия»). Политическим заказчиком подобного рода идеологических диверсий является современный российский олигархат, прямая выгода коего – разложение общественного сознания россиян, недопущение возрождения левой идеи, запрос на которую в нынешнем обществе силён как никогда, начиная с 90-х годов. Политическим элитам всерьёз стоит задуматься о последствиях «войны с памятниками», ведь новейшая история Украины демонстрирует, что разложение украинской государственности разворачивалось в русле, так называемой, политики декоммунизации и десоветизации.

Почему Россия стала барьером на пути фашизма 80 лет назад? Потому что представляла собой реальную альтернативу общественному развитию – совершенно

противоположную немецкому и итальянскому монополистическому капиталу идеологию и практику. И, несмотря на то, что с 2014 года в СМИ и общественно-политическом дискурсе активно транслируется идея о некой преемственности и проводятся параллели между Великой Отечественной войной (1941-1945) и нынешним противостоянием России с т.н. коллективным западом на территории Украины, подобного рода политтехнологический приём не лишен смысла, поскольку идея Победы, войны и участия в ней определённо может служить средством консолидации и мобилизации масс. Однако нынешняя война принципиально иная. Она парадоксальна потому, что идёт между двумя подобными друг другу системами. Постсоветская российская политическая и экономическая системы выстроены по западным образцам и альтернативы, подобно советской системе, западным не представляют. Поэтому нынешнее противостояние носит, отнюдь, не идеологический характер.

Не остается сомнений в том, что фашизм при всех своих именовании и многоликости есть ни что иное, как прямое продолжение глобальных кризисов капиталистической системы, что неоднократно подтверждено уроками истории. Стремление к экономической экспансии и всепоглощающей власти, растущие в геометрической прогрессии аппетиты капитала, помноженные на ограниченные возможности экономик отдельных стран, – благодатная почва для возрождения фашистской идеи. Фашизация становится характерной чертой современного капитализма в состоянии системного кризиса, а прямым врагом нездоровой системы является коммунизм как идея и общественно-политическая практика.

Библиографический список:

1. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Современный фашизм: новые облики и проявления. М.: Наука и политика, 2017. – 328 с.
2. Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма / Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала. 2 августа 1935 года. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – 224 с.
3. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма (Популярный очерк) / ПСС. Изд. 5-ое. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1969. – Т. 27. – 643 с.
4. Ленин В. И. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. / ПСС. Изд. 5-ое. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1981. – Т. 41. – С. 345-362.

5. Революция генеративного ИИ: новые возможности / [Видеозапись]. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72811>
6. Федеральный закон от 01.04.2025 № 40-ФЗ «О проведении эксперимента по расширению доступности среднего профессионального образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504010002>
7. Эко У. Вечный фашизм // Пять эссе на темы этики / Перев. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб.: «Симпозиум», 2003. – С. 49-81.

References:

1. Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. Sovremennyj fashizm: novy`e obliki i proyavleniya. M.: Nauka i politika, 2017. 328 s.
2. Dimitrov G. Nastuplenie fashizma i zadachi Kommunisticheskogo internacionala v bor`be za edinstvo rabocheho klassa protiv fashizma / Doklad na VII Vsemirnom kongresse Kommunisticheskogo Internacionala. 2 avgusta 1935 goda. – M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury, 1958. – 224 s.
3. Lenin V. I. Imperializm kak vy`sshaya stadiya kapitalizma (Populyarny`j ocherk) / PSS. Izd. 5-oe. – M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury, 1969. – T. 27. – 643 s.
4. Lenin V. I. Rech` na soveshhanii predsedatelej uездny`x, volostny`x i sel`skix ispolnitel`ny`x komitetov Moskovskoj gubernii 15 oktyabrya 1920 g. / PSS. Izd. 5-oe. – M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury, 1981. – T. 41. – S. 345-362.
5. Revolyuciya generativnogo II: novy`e vozmozhnosti / [Videozapis`]. - [Elektronnyj resurs]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72811>
6. Federal`nyj zakon ot 01.04.2025 № 40-FZ «O provedenii e`ksperimenta po rasshireniyu dostupnosti srednego professional`nogo obrazovaniya» [E`lektronnyj resurs]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504010002>
7. Eko U. Vechny`j fashizm // Pyat esse na temy etiki / Perv. s ital. E. A. Kostyukovich. – SPb.: «Simpozium», 2003. – S. 49-81

УДК 130.122

М. М. Кухтин

(кандидат политических наук, доцент)

Донецкий государственный университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *Сегодня искусственный интеллект является предметом не только точных, но и гуманитарных наук. Его развитие уже вызывает экономические и социокультурные сдвиги, влияющие на все сферы человеческой жизни и деятельности. В данной связи особую актуальность получили традиционные вопросы философии сознания. В чем наиболее полно выражается специфика человеческого мышления? Какие его процессы поддаются цифровому моделированию, а какие нет? Способна ли машина к эмоционально-волевым проявлениям и вообще к действиям, не заложенным в нее человеком? Наконец, важно выяснить, какое значение изучаемые технические новшества имеют в контексте современных геополитических, социально-экономических и культурных противоречий, насколько человечество готово ответить на соответствующие вызовы и использовать открывающиеся возможности.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, технологическая сингулярность, политическая экономия позднего капитализма, философия сознания.*

M. M. Kukhtin

(Candidate of Political Sciences, Associate Professor)

Donetsk State University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

ON THE POLITICAL ECONOMY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. *Today, artificial intelligence is a subject not only of the exact sciences but also of the humanities. Its development is already causing economic and sociocultural shifts, influencing all spheres of human life and activity. In this regard, traditional questions of the philosophy of consciousness have acquired particular relevance. What features most fully express the specificity of human thought? Which of its processes lend themselves to digital modeling, and which do not? Is a machine capable of emotional and volitional manifestations and, in general, of actions not programmed by humans? Finally, it is important to understand the significance of the technological innovations under study in the context of contemporary geopolitical, socioeconomic, and cultural contradictions, and the extent to which humanity is prepared to respond to the challenges involved and seize the emerging opportunities.*

Key words: *artificial intelligence, technological singularity, political economy of late capitalism, philosophy of consciousness.*

Одна из наиболее трудных проблем, стоящих сегодня перед творческим марксизмом, состоит в том, что непрерывно ускоряющиеся темпы научно-технической революции нередко не позволяют реагировать на вызовы инновационного развития в реальном времени и оперативно прогнозировать его дальнейшую траекторию. Соответственно, хотя переход к бесклассовому обществу и преодоление многообразных форм отчуждения остаются программными целями современной марксистской мысли, конкретные шаги на данном пути уже во многом определяются факторами, действие которых классики не могли предвидеть в деталях. К их числу, несомненно, относится и искусственный интеллект, вызывающий сегодня самые разнообразные общественные реакции – от апокалиптических ожиданий, нередко имеющих мистическую окраску, до утопических проектов, в которых окончательное торжество техницизма рассматривается как путь к мировой гармонии.

Диалектика производительных сил и производственных отношений отвергает обе крайности: сами по себе научно-технические достижения не создают и не устраняют общественные бедствия, все дело в том, кто именно, какой социальный класс определяет способы и цели их использования. Политэкономическую подоплеку вопроса глубоко изучил Э. В. Ильенков, на тот момент его анализ был близок к исчерпывающему, однако с тех пор произошли тектонические сдвиги в развитии глобального социума и созданной им техносферы. Философ отмечает: «Человек, имея дело с машиной, в действительности имеет дело с другим человеком, с ее создателем и хозяином, и Машина – только посредник между людьми» [1, с. 31-32]. При этом порабощение человека машиной (в конечном счете, механизмами накопления капитала) уже свершилось, хотя авторы постапокалиптических и антиутопических произведений нередко переносят его в более или менее отдаленное будущее.

Сегодня человек «реально (а вовсе не в фантазии) играет роль «частичной детали частичной машины» [1, с. 36]. С другой стороны, слишком оптимистичная оценка возможностей кибернетики порождена технократической идеологией, которая механически абстрагирует отдельные проявления человеческого мышления и деятельности и намеренно затемняет проблему человеческой сущности [1, с. 37-41]. Впрочем, скепсис относительно общего искусственного интеллекта встречал аргументированные возражения уже в рамках советской науки [2, с. 18]. При этом подход Ильенкова к общественным проблемам предвосхищает некоторые популярные сегодня социологические приложения кибернетики. По мнению С. Б. Персегина, искусственный интеллект необязательно воплощается с помощью современной вычислительной техники, его реализацией является, например, государственный административный аппарат, что многое объясняет в поведении последнего [6, с. 233-236].

Задача исследования – рассмотреть проблему искусственного интеллекта в релевантных социальных контекстах позднего капитализма.

Как известно, отношения советского марксизма и кибернетики прошли несколько качественно различных этапов, причем философское осмысление ее принципиальных возможностей и фундаментальных результатов так и не достигло полной ясности ни в одной из существующих версий. Это объясняется целым рядом причин: и ошибочностью (в ряде случаев) исходных мировоззренческих установок, и незавершенностью исследуемых процессов, и их противоречивостью. На последней проблеме следует остановиться подробнее. История знает немало случаев, когда технические новшества, призванные повысить производительность труда и облегчить его бремя, использовались для создания новых механизмов контроля и эксплуатации. Более того, утверждение нового технологического уклада, как правило, сопровождалось разрушительными побочными эффектами – ростом нищеты и безработицы, стихийного и организованного насилия, обострением политической и экономической конкуренции, хозяйственными кризисами.

В рыночной логике человек весьма часто замыкается в рамках узкой специализации, жертвуя остальными аспектами своего потенциала. В таком случае его трудовые функции легко могут быть стандартизированы и формализованы, что открывает прямой путь к их автоматизации. При этом трудящийся, потерявший работу из-за внедрения «умных машин», часто не может быстро переучиться, потому что гибкость и открытость мышления – это качества, которые неолиберальный капитализм отнюдь не стремится привить широким массам. В данной связи современный философ А. Соловьев отмечает: «Человек отчужденный у Маркса – это человек, эксплуатируемый капиталом ради собственной выгоды и превращённый в экономический ресурс для чужого использования. В эпоху неолиберального капитализма предприниматель самого себя оказывается в отношениях самоэксплуатации и самопотребления, а его внутренний мир находится в новых сетях самоотчуждения» [7].

По сути, автор цитаты говорит о радикализации протестантской трудовой этики, о ее доведении до последнего возможного предела. Превращение простого работника в «предпринимателя самого себя» или «чиновника своего письменного стола» означает, что теперь ему, по сути, переданы некоторые надзорные и контрольные функции в сфере трудовых отношений, которые раньше реализовывались скорее за счет внешнего принуждения, экономического и внеэкономического. Реклама, мода, императивы карьерного успеха и демонстративного потребления исподволь подталкивают людей к решениям, которые увеличивают их рыночную капитализацию в ущерб гармоничному собственно человеческому развитию [7].

В классическом индустриальном капитализме XIX века рабочий соглашался на роль «частичной детали частичной машины», чтобы обеспечить свое физическое выживание. В XX веке в наиболее развитых капиталистических экономиках

на передний план вышли другие инструменты управления трудовыми ресурсами. Однако в антропологическом плане мало что изменилось: человек, как и раньше, вынужденно развивает свои способности в интересах отчужденных сил, что стратегически, в отдаленной перспективе, неизбежно снижает его конкурентоспособность в любом понимании данного термина. Самим опытом жизни при текущей формации он плохо подготовлен к тому, чтобы осваивать технические, организационные, культурные и иные новшества и адаптироваться к обществу, где они играют одну из центральных ролей. Однако уже сейчас можно выделить некоторые «точки роста», понять, в чем именно человек сохраняет принципиальные преимущества перед машиной. Слабость популярных моделей искусственного интеллекта во многом является оборотной стороной их силы: они способны обрабатывать недоступные человеку объемы информации («большие данные»), но, с другой стороны, не могут эффективно обучаться, не делая этого. Соответственно, при ограниченных входных данных они достаточно часто совершают ошибки. Человек же успешно осваивает родной язык на основании во многом случайного и фрагментарного опыта общения. В данной связи генеративная лингвистика говорит о врожденном компоненте языковой способности, благодаря которому «ребенок, овладевающий родным языком, может, не рассматривая, отбросить необозримое множество ложных гипотез и быстро приходить к правильным решениям» [8]. Сторонники теории полагают, что механизм естественного языкового обучения поддается математическому моделированию [8], однако неизвестно, сколько времени еще потребуется на окончательное решение данной задачи и как быстро удастся привить соответствующие практические навыки искусственному интеллекту.

Таким образом, бурное развитие искусственного интеллекта стало проблемой именно в текущих конкретно-исторических условиях. Императив максимизации прибыли массово воспроизводит человеческий тип, отличающийся сильным инновационным сопротивлением, негибкими поведенческими стратегиями и упрощенной, статичной картиной мира. Массовые страхи перед будущим обусловлены, среди прочего, культивируемой рынком выученной беспомощностью (под маской «безграничных возможностей для самореализации»), а не якобы объективно тупиковой ситуацией в динамике глобального развития. «Парадокс в том, что потребление возможностей оборачивается «потреблением невозможностей», исчерпывающих реальные внутренние и внешние ресурсы любого, кто привносит в свою жизнь «контролируемые» риски само-инвестирования» [7].

Российский аналитик С. Б. Переслегин создал формализованную модель подобных противоречий, разграничив физические и гуманитарные технологии. Первые составляют техносферу в узком значении термина, опосредуя отношения между человеком и природой, вторые решают задачу социокультурного освоения первых, вырабатывая правила их использования [5, с. 461]. В частности, любая праг-

матика должна приобрести аксиологическое измерение, адаптироваться к социально обусловленной системе неутилитарных ценностей. Если физические технологии отстают в своем развитии от гуманитарных, может наступить коллапс материальной цивилизации, в конечном счете губящий многие достижения высокой культуры. Примером такой катастрофы является эпидемия чумы, поразившая Европу в середине XIV в. Возможна и обратная ситуация, когда бурный рост физических технологий не уравнивается способностью общества ответственно и дальновидно использовать их в созидательных целях.

По мнению С. Б. Переслегина, современный мир рискует попасть именно в такое положение [5, с. 464-466]. Можно сказать, что соответствующие тенденции и представляют собой неизбежное порождение постиндустриального кризиса, и дополнительно усугубляют его течение [4, с. 292-293]. Развитие искусственного интеллекта является вызовом для человека, лишенного четкой базовой онтологии и, как следствие, потерявшего твердые ориентиры в быстро меняющемся мире. Около века назад основатель философской антропологии М. Шелер уже указывал на двойственность самопознания своих современников. В его эпоху религия, философия и наука накопили невиданный объем материала обо всех аспектах человеческой жизни и деятельности, однако именно тогда осмысление человека как целостного феномена стало представлять беспрецедентные трудности. «...еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время» (курсив автора цитаты) [9, с. 133-134]. Чисто количественное накопление знаний не приводило к их высшему синтезу, напротив, оно вызывало у многих мыслителей чувство все большей растерянности и дезориентации.

Сегодня развитие искусственного интеллекта возвращает людей к противоречиям их собственного бытия и сознания, к фундаментальным вопросам, которые история уже достаточно давно поставила, но пока полностью не исчерпала. Современная наука не до конца понимает происхождение, сущность и структуру человеческого мышления, а некоторые ее открытия не находят широкого признания, поскольку затрагивают те или иные классовые интересы. Также человечество встало перед серьезными этическими дилеммами. В популярном сюжете «восстания машин» роботы борются за власть и ресурсы точно так же, как реальные люди, безоговорочно принявшие диктуемые рыночной стихией ценностные установки. Каким должен стать человек, чтобы не бояться конкурента в лице нечеловеческого разума? И что может сделать последний, если будет на порядки превосходить людей в решении утилитарных задач, оставаясь на уровне буржуазной морали?

Возможно, раньше всех проблему соотношения искусственного и естественного интеллекта поставил Б. Паскаль: «Счетная машина производит действия, которые ближе к мысли, чем все, что делают животные; но она не делает ничего, что позволило бы сказать, будто у нее есть воля, как у животных» [3, с. 280]. Интересно отметить, что идея механизации и автоматизации тех или иных мыслительных

процессов изначально созрела в рамках религиозного сознания (Раймунд Луллий, Паскаль, отчасти Декарт и Лейбниц). Резкое противопоставление Бога и машины как объяснительных принципов было в высшей степени характерно, например, для французского материализма XVIII в., однако философия барокко допускала достаточно широкую вариативность в трактовке подобных вопросов.

Человеческое мышление всегда было рефлексивным и рекурсивным. С одной стороны, оно неизбежно является собственным предметом, наряду с явлениями и процессами внешнего мира, с другой, оно последовательно создает свои же модели, которые автономно отражают объективную действительность. Такое моделирование осуществляется в разноуровневых и разнокачественных знаковых системах, главной из которых является естественный язык. При этом создаваемые людьми информационные структуры (от конкретного текста до культуры в целом) всегда обладали хотя бы отдаленным подобием субъектности и были способны действовать помимо воли своих творцов. Здесь можно вспомнить и гегелевскую трактовку отчуждения, и объективную социальную силу у классиков марксизма, и теорию информационных объектов. Человеческое сознание, здесь и сейчас отражающее внешний мир, само существует только как обобщение более раннего опыта его теоретического и практического освоения. Возникает своеобразный лабиринт зеркал, фундаментальные свойства которого не зависят от субъективных желаний его строителей: никакие декреты не могут произвольно менять культуру вопреки объективной логике ее развития. Большинство форм искусственного интеллекта просто продолжают вереницу технических и информационных «неорганических тел» человека, которые дают ему дополнительные возможности, но и в какой-то степени предопределяют его решения.

Новый виток научно-технического прогресса вызвал целый веер острых реакций скорее потому, что хронологически совпал с невиданным по глубине кризисом классово-антагонистического (а не только конкретно капиталистического) общества. Что характерно, попытки справиться с нарастающей социально-экономической турбулентностью при помощи новых технологий просто отодвигают проблему в будущее, не решая ее по существу. Еще около 15 лет назад С. Б. Переслегин предсказывал, что активное развитие инновационных секторов производства в рамках текущего экономического уклада приведет к надуванию новых финансовых пузырей, подобных уже лопнувшему ипотечному [4, с. 262-263]. В августе 2025 г. один из ведущих специалистов по искусственному интеллекту С. Альтман сказал, что в его области такой пузырь уже сформировался [10]. То есть, именно те научно-технические достижения, которые многими воспринимались как спасительная для капитализма «волшебная палочка», просто маркируют очередной этап его кризиса. Сама диалектика исторического развития ускоряет созревание

более высоких общественных отношений и, соответственно, формирование нового человеческого типа, более подготовленного к вызовам времени.

Подводя итоги, можно выделить в рассматриваемой проблеме два взаимосвязанных аспекта. Классовый подход проливает свет на амбивалентность общественно значимого применения передовых технологий. Любой социальный строй с большим или меньшим успехом использует инновации для упрочения своего положения, однако тем самым в долгосрочной перспективе подготавливает материальную базу следующей формации. Западные глобалисты стремятся оседлать новую волну инновационного развития, однако в капиталистических реалиях это приводит к появлению очередных финансовых пузырей и продолжающемуся массовому воспроизводству культурной модели, неспособной дать достаточное количество квалифицированных пользователей (не говоря уже об изобретателях) новых технологий.

Налицо несоответствие между растущими материальными возможностями и их политическими, экономическими и иными побочными эффектами, все больше выходящими из-под контроля. Социальное творчество масс должно дать ответ на актуальные вызовы современности, предложив новые жизненные форматы, альтернативные как избыточно жестким управленческим иерархиям, так и рыночной стихии, парадоксальным образом соединяющей в себе аморфность и механистичность. Современные популярные страхи, подрывающие веру многих людей в свои силы, в большой степени отражают неспособность неолиберальной модели справиться с невиданно возросшими возможностями материального и духовного производства. Возрастает «цифровой разрыв» между странами, активно использующими искусственный интеллект, и всеми остальными. Например, центры научно-технической революции уже в какой-то мере могут заменять трудовых мигрантов роботами, другим это пока недоступно, что имеет вполне очевидные социально-экономические, политические и культурные последствия. При этом в наиболее развитых странах опережающее развитие кибернетики может ухудшить ситуацию с безработицей. Есть и другая проблема: мещанское (в научном смысле термина) сознание, неспособное выстроить адекватную картину общественных отношений, массово производит нереалистичные катастрофические сценарии (наподобие популярных кинематографических трактовок «восстания машин»).

Второй аспект изучаемого вопроса связан с дальнейшим развитием философии сознания. Как показывает, в частности, спор «диалектиков» и «механистов», ее отношения со специальными науками могут выстраиваться по-разному, и здесь важно избежать как позитивистских тенденций, так и схоластического отрыва общеполитических (пусть и многократно проверенных временем) установок от актуальных задач науки и практики. Вопрос о потенциальной субъектности искусственных кибернетических систем пока остается открытым. Интересно отметить, что в советской научной фантастике были весьма различные подходы к нему: в ро-

манах И. А. Ефремова описана довольно примитивная по современным меркам вычислительная техника, в «мире Полудня» братьев Стругацких, напротив, существуют достаточно сложные роботы, управляемые искусственным интеллектом. Идея внешне и функционально неотличимых от людей кибернетических организмов также не была чужда советской культуре, для которой вообще не был характерен страх перед техническим моделированием человеческих жизненных проявлений. Такие опасения были как раз распространены в западной литературе времен «холодной войны».

При этом научная фантастика является, среди прочего, превращенной формой футурологии, своеобразным зеркалом актуальных (не всегда артикулированных в явной форме) приоритетов общественного развития. Соответственно, можно сделать вывод, что в рамках творческого марксизма в принципе допустимы различные интерпретации сильного искусственного интеллекта. Общим знаменателем всех таких подходов является понимание того, что только полное преодоление отчуждения позволит разумно ограничить риски, связанные с интеграцией нового технологического пакета в социальную ткань современной цивилизации.

Библиографический список:

1. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – 319 с.
2. Колмогоров А. Н. Автоматы и жизнь / А. Н. Колмогоров // Техника – молодежи. – 1961. – № 10. – С. 16-19.
3. Паскаль Б. Мысли / Б. Паскаль; пер. с фр. Ю. А. Гинзбург // Памятники мировой литературы. – М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. – 480 с.
4. Переслегин С. Б. Бег с барьерами, или через постиндустриальный кризис / С. Б. Переслегин // Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. – С. 255-305.
5. Переслегин С. Б. Странные взрослые / С. Б. Переслегин // Возвращение к звездам: Фантастика и эволюция. – М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – С. 427-467.
6. Переслегин С. Б. «Того, что достаточно для Геродота, мало для Герострата...», или Сумма технологии / С. Б. Переслегин // Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2011. – С. 216-254.
7. Соловьев А. Капитализм возможностей и гиперотчуждение субъекта выгорания / А. Соловьев // Insolarance. – URL: <https://insolarance.com/opportunity-capitalism/> (дата обращения: 08.11.2025).
8. Тестелец Я. Г. Генеративная лингвистика / Я. Г. Тестелец // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2350232> (дата обращения: 10.11.2025).

9. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 129-193.
10. Roth E. Sam Altman says ‘yes,’ AI is in a bubble / E. Roth // The Verge. – URL: <https://www.theverge.com/ai-artificial-intelligence/759965/sam-altman-openai-ai-bubble-interview> (accessed on: 08.11.2025).

References:

1. Ilyenkov E. V. On Idols and Ideals / E. V. Ilyenkov. – Moscow: Publishing House of Political Literature, 1968. – 319 p.
2. Kolmogorov A. N. Automata and Life / A. N. Kolmogorov // Technology – for youth. – 1961. – No. 10. – Pp. 16-19.
3. Pascal B. Thoughts / B. Pascal; trans. from French by Yu. A. Ginzburg // World Literary Monuments. – Moscow: Sabashnikov Publishing House, 1995. – 480 p.
4. Pereslegin S. B. Hurdles, or Through the Post-Industrial Crisis / S. B. Pereslegin // Occam's Dangerous Razor. – Moscow: AST: Astrel; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2011. – Pp. 255-305.
5. Pereslegin S. B. Strange Adults / S. B. Pereslegin // Return to the Stars: Science Fiction and Evology. – Moscow: AST: AST Moscow; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2010. – Pp. 427-467.
6. Pereslegin S. B. "What is Enough for Herodotus is Not Enough for Herostratus...", or the Sum of Technology / S. B. Pereslegin // Occam's Dangerous Razor. – Moscow: AST: Astrel; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2011. – Pp. 216-254.
7. Soloviev A. Capitalism of Opportunities and Hyper-Alienation of the Subject of Burnout / A. Soloviev // Insolarance. – URL: <https://insolarance.com/opportunity-capitalism/> (accessed on: 08.11.2025).
8. Testelelets Ya. G. Generative Linguistics / Ya. G. Testelelets // The Big Russian Encyclopedia. – URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2350232> (accessed on: 10.11.2025).
9. Scheler M. The Position of Man in Space / M. Scheler // Selected Works. – Moscow: Gnosis, 1994. – Pp. 129-193.
10. Roth E. Sam Altman says ‘yes,’ AI is in a bubble / E. Roth // The Verge. – URL: <https://www.theverge.com/ai-artificial-intelligence/759965/sam-altman-openai-ai-bubble-interview> (accessed on: 08.11.2025).

Теория и история культуры, искусства

УДК: 82-1:94 (470+571)

А. Е. Отина

(к. филол. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

ПОИСКИ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX-го ВЕКА ЧАСТЬ II

***Аннотация.** В статье говорится о нравственных и идеологических исканиях русских поэтов начала XX-го века, происходивших на сломе эпох: старого и нового мира, России самодержавной с разрастающимся в ней капитализмом и России социалистической. Революция явилась мощнейшим катализатором нового творчества, новой литературы, как в содержательном, так и в формальном планах, поиска новых смыслов и форм, нравственного выбора.*

***Ключевые слова:** Революция, старый мир, новый мир, коренной слом, внутренние противоречия, выбор, просветительский проект.*

A. E. Otina

(Candidate of Philological Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University

(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

SEARCH FOR SPIRITUAL AND MORAL IDEAL IN THE MIRROR OF RUSSIAN POETRY OF THE EARLY 20-th CENTURY PART II

***Abstract:** The article discusses the moral and ideological quests of Russian poets in the early 20th century, which took place at the turn of the eras: the old and the new world, autocratic Russia with its growing capitalism? and socialist Russia. The revolution was a powerful catalyst for new creativity, new literature? both in the terms of content and forms, as well as for moral choices.*

***Keywords** Revolution, the old world, the new world, radical change, internal contradictions, choice, educational project.*

Новое, стремительно возникшее, врывающееся в жизнь в окружении рокошущих звуков и потрясающе ярких, незнакомых ранее зрительных образов, а главное, потрясение новыми смыслами и целеполаганием становятся источником вдохновения, нравственного и эстетического поиска поэтов начала необыкновенно динамично стартовавшего XX-го века.

Январём 1925 года датирована «Анна Снегина», поэма о любви и не только, скорее, не столько о любви. О революции и не только. О жизни старой и новой, о томлящем юном прошлом и крутом бунтующем настоящем. Об отдельном индивидуальном человеке, о разных знакомых ему людях и, одновременно, о множестве – миллионах людей, оказавшихся на границе смены эпох, – на грани, очерченной революцией. За частным в есенинской поэме явно скрыто всеобщее в его множественных обликах и проявлениях. По прочтении произведения остается впечатление, что многоголосье поэмы слилось в единый хор – в музыку революционного времени. В художественном отношении «Анна Снегина» не только музыкальна, что характерно для всей поэзии С. Есенина, но и скульптурна. Образы ее объёмны, налиты смыслами и знаками эпохи. Здесь всё живёт одновременно, всё одинаково важно, старое и новое, уходящее и впервые рождённое. На фоне коренным образом изменившейся жизни, полной вопросов и надежд, образ первой любви возрастает как символ непреходящего начала жизни, как её возрождение и новое перерождение.

При всей привычной есенинской неподражаемой поэтичности, поэма носит реалистический характер и в описаниях, и в событийном порядке. Реальность происходящего подчеркивается ремарками о душевном состоянии, личных реакциях и взглядах лирического героя (а автор заявляет о своей идентичности с героем), отчего «Анна Снегина» предстаёт не только как автобиографическое произведение, но и как *исповедь*, картина душевных переживаний и духовных исканий поэта.

Начинается поэма с описания спутником героя, возницей, двух сёл: зажиточного Радово и бедняцкого Криуши – двух ликов, реальностей современной России. В Радово, в силу его зажиточности, отношение к власти у жителей было покорным и спокойным, что обрело значение обычая, уклада: «Раз – власти, на то они власти, а мы лишь простой народ» [4, с. 183]. Совсем иначе обстояли дела в нищенских Криушах, где и зрел бунтарский дух, выразителем которого явился Прон Оглоблин – герой пугачёвского типа и с пугачёвской судьбой (в есенинской поэме).

События и картины в поэме разворачиваются сообразно описываемому в ней времени – в напряжённой динамике, быстро сменяя друг друга, так как автору важно всё: всё понять, охватить, описать и объяснить себе и читателю. Резня между крестьянами Радово и Криуш, оценка лирическим героем событий Первой мировой («Я понял, что я игрушка, в тылу лишь купцы да знать» [4, с. 184]), описание того периода в 1917 г., когда «калифствовал Керенский», при котором «ту же сермяжную рать прохвосты и дармоеды сгоняли на фронт воевать» [4, с. 185]. И тут же на

фоне апрельской красоты во дворе дома старого мельника в сознании героя рождаются два контрастных образа – «девушки в белой накидке», первой его любви, и войны, убившей множество людей, а других превратившей в «уродов теперь и калек». Столкновение картин бушующей весенней зарождающейся жизни и несправедливых смертей, наколдованных войной и теми, кто за ней стоит, вызывает появление на страницах произведения строк, в которых сообщается о личном волевом решении не идти на несправедливую войну:

«Нет, нет
Не пойду навеки.
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь» [4, с. 188]

Одна за другой сменяются картины, события и их оценка в рассказах старухи-матери (смута – проклятье «неразумному» народу за то, что «прогнали царя»), мужиков с села Криуши. И именно на крыльце у Прона Оглоблина, где собрались обездоленные крестьяне, среди «мужицкого галдежа» о фронте и повсеместной несправедливости герою задают главный вопрос, ответ на который – ключевой момент, кульминация поэмы:

«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он – вы» [4, с. 193]

Есть в поэме и эпизод, сообщающий ей характер глубоко личного, интимного переживания – встреча с Анной, разговор, общие воспоминания о молодой любви, мягкие упрёки женщины в адрес поэта за его нынешние «пьяные дебоши» и описание послекусия встречи:

«Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-старому был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...
Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас» [4, с. 196]

Но сразу тональность поэмы меняется диаметрально. События разворачиваются стремительно и, порою, трагически: Прон с героем направляются в поместье Снегиных, где крестьянский вожак требует отдать землю подобра, иначе её отберут. Здесь же герой узнаёт от Анны о гибели её мужа Бориса, офицера. Обезумев от горя и на фоне смерти супруга на войне, женщина обвиняет поэта в трусости. После следуют летние дни, проведённые героем на охоте в стремлении забыть нанесённую Анной обиду. Но жестокая реальность времени вновь нарушает временное

спокойствие крестьянина-интеллигента: к герою приходит Прон. Снова звучит имя Ленина и впервые произносится новое имя России – Советы:

«Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берём и леса.
В России теперь Советы
И Ленин – старшой комиссар» [4, с. 200]

Затем события разворачиваются ещё стремительнее: скорый разбойный захват усадьбы Снегиных крестьянами из Криуш, среди которых первым заводилой был брат Прона Лабутя, «хвальбишка и дьявольский трус», разговор с Анной в доме сердобольного мельника, её извинения и признания. Отъезд героя в Петербург и новое возвращение в деревню после письма от мельника, где он сообщает о расстреле деникинцами Прона Оглоблина. Ностальгическое письмо от Анны из лондонской эмиграции, где она, тоскуя, нередко ходит на пристань посмотреть «то ли на радость, то ли в страх» на «красный советский флаг».

«Анна Снегина» – крайне динамичное произведение. Потрясающая динамика и огромное смысловое наполнение для такой небольшой поэмы. За каждым образом – героя, Анны, едва упомянутого её мужа Бориса, Прона Оглоблина – читается целая жизнь с её крутыми поворотами, вызванными волей революции. Поэма завершается зеркально (практически кольцевая композиция) теми же строками, что были близко к началу:

«Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далёкие милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Ну, значит,
Любили и нас» [4, с. 209].

Последняя строка звучит иначе, чем вначале, где: «Но мало любили нас». С одной стороны, в конце поэт возвращается к частной истории отношений и их завершения. С другой, финальные воспоминания о далёких годах первой любви в художественном плане подчёркивают, выделяют настоящую реальность новой жизни, делая её скульптурно объёмной, выпуклой. Последняя строка с противоположным тому, что было ранее, утверждением не только эмоционально завершает любовную историю, но и открывает перспективы в будущее, в мир, где многократно ещё повторится любовь.

Интересны и два зеркальных как в названиях своих, так и в содержании стихотворения С. Есенина – «Русь уходящая» и «Русь советская». «Русь уходящая» – пронзительная исповедь человека, оказавшегося в гуще революционной бури, на сломе эпох, на перекрёстке двух миров, каждый из которых – часть его жизни, его

судьбы. Лирическому герою Есенина ностальгически мило его прошлое, потому, как и многие другие, он ориентируется на заветы дедовской Руси («И песни новые по-старому поем, как нас учили бабушки и деда») [6, с. 102]. Но при этом он готов с огромной радостью «задрать штаны, бежать за комсомолом») [6, с. 102]. По признанию поэта,

«Я человек не новый! Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою» [6, с. 104]

В этих строках необыкновенно сочетаются и печаль, и радость – вся гамма чувств «не молодого, не старого» человека, оказавшегося на тектоническом сломе эпох, на гребне волны, уносящей из прошлого в будущее, в котором сложатся иные нормы и традиции. И «Русь советская» о том же, те же есенинские мотивы уходящих прошлого и молодости, утраты близких друзей и тоски по ним, пристального наблюдения за ворвавшимся в жизнь и изменившим её новым и новыми молодыми, непохожими на прежних. Переплетение мотивов и образов эпохального и личного значения и потрясающее звучание эпохального через личное. Огромная ностальгия и попытка ее преодоления через осознание происходящего и, как итог, принятие новой действительности:

«Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней –
Уж не село, а вся земля им мать» [5, с. 95]

Образы «хромого красноармейца» с его рассказами о Будённом и о взятии Перекопа, деревенской молодёжи, поющей «агитки Бедного Демьяна» [5, с. 96], односельчан, вжившихся во всё это и живущих в новой реальности без вопросов, руководящих мыслями и чувствами лирического героя, подчеркивают ощущение потерянности и раздвоенности последнего, ощущение собственной ненужности. Тем не менее, к новому поколению Есенин обращается с пожеланием-призывом: «Цветите, юные, и здоровейте телом! У вас иная жизнь. У вас другой напев», осознавая все права новой во всех смыслах жизни на жизнь [5, с. 97]. Смыслы собственного существования, сущность своей самой большой, если не единственной любви, Есениным заключены в последних строках «Руси советской»:

«Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь»» [5, с. 97].

А. Блок, без преувеличений, Великую Октябрьскую социалистическую революцию принял с восторгом. Прозвучавшие манифестом слова «Революционный

держите шаг» были совершенно искренними, и шаги поэта в революционном марше не отставали от поэтических слов. Дореволюционные события, поглотившие страну, вызывали у Блока различное к себе отношение, контрастная палитра которых высвечивает восприятие сложной современности и этические приоритеты поэта. Так, Первая мировая, вызвавшая воодушевление и подъем у немалого количества писателей того времени, не возбудила в Александре Блоке модной рьяной радости, присутствовавшей у представителей российской художественной интеллигенции.

В. А. Зоргенфрей так передал отношение поэта к поглотившей страну войне: «И в начале 1915 года, и в дальнейшем, вплоть до 1917 г., отношение Блока к военным событиям нельзя было назвать иначе как безличным – не в смысле безразличия, а в смысле признания за ними свойств стихийных, поглощающих волю. Ни те ни одушевления, владевшего – искренно или наигранно – интеллигентным обществом того времени, не проявлял АА в этих беседах; с другой стороны, не высказывал он, в сколько-нибудь определенной форме, активно-отрицательного отношения к происходящему. В разговорах того времени, как и в стихах, он поминал Россию, томился по России, ждал ее...» [7, с. 138]. Вопрос: по какой именно России «томился» Блок, какую Россию «ждал»?

Время, проведенное А. Блоком в армии, куда он был призван с осени 1916 года, воспринималось им как пустое и потерянное, главным образом из-за его обязанностей в инженерной роте вдали от военных действий, которые вызывали чувства бесполезности и бессмысленности своего места среди грозных событий. Душевный спад вызвал у поэта и творческий кризис, продлившийся с момента призыва – с осени 1916 года до января 1918 года. В течение этого промежутка времени А. Блок не написал ничего, кроме писем. А с января 1918 г. в короткий срок в несколько недель Блок пишет известную статью «Интеллигенция и революция», поэму «Двенадцать» и стихотворение «Скифы». Все они объединены одной волей – желанием разобраться в сущности революции и понять направление ее движения.

Февральскую революцию, известие о которой его застигло в марте по дороге в Петроград, А. Блок воспринял с радостной надеждой. 22 апреля 1917 года в записной книжке поэта, среди других восторженных записей, появилось: «Всё будет хорошо. Россия будет великой. Но как долго ждать, и как трудно дожидаться» [1, с. 318]. Ожидания Блока были деятельными: возобновление репетиций пьесы «Роза и Крест» в МХТ К. С. Станиславского, работа над «Возмездием», редактирование Ап. Григорьева и работа редактором в Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных действий бывших министров и прочих высших должностных лиц, продлившаяся с весны до осени 1917 года, и оказавшаяся по мере поглощенности в неё – особенно это касается присутствия на допросах – для поэта крайне эмоционально тяжелой. Факты злоупотребления власти, с которыми А. Блок столкнулся во время работы в ЧСК, и их обобщение и анализ, привели его к

выводу, что распад существующего строя неизбежен и скор, необходим был только «толчок» для начала разрушения, и этим толчком, по его мнению, явилась война 1914-1917 гг. Именно работа в Чрезвычайной следственной комиссии привела Блока к разочарованию в содержании Февральской революции, ее идеологе и лидере А. Ф. Керенском, во Временном правительстве и заставила принять и приветствовать новую, октябрьскую революцию 1917 года.

В статье «Интеллигенция и революция», написанной по следам октябрьских событий, А. Блок указывает на беспрецедентное историческое значение революционного настоящего для всего мира, так как теперь «весь европейский воздух изменён русской революцией» [3, с. 11]. В революции он также видит испытание для художников слова на способность увидеть, понять и предвидеть. По мнению Блока, желание «охватить весь мир» – признак не мятежа, бунта, а истинной революции, которой является октябрьская революция в России. Она – осуществление стремлений «великих художников русских» – «Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого», которые «... знали, что рано или поздно, *всё будет по-новому*, потому что *жизнь прекрасна!*» [3, с. 13].

Эволюционный путь развития страны, когда всё течёт само собой и неизвестно, куда приведёт течение, Блок считает однозначно тупиковым. Революционный перелом, а не длительная эволюция, по его мнению, необходим России в свете сложившихся исторических реалий, когда существовавший строй полностью дискредитировал себя. Революция – единственно верный и справедливый путь в динамике дальнейшего развития страны. Она является единственным адекватным ответом на ряд вопросов, назревавших длительное время: «Почему дырявят древний собор? – Потому что сто лет, здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? – Потому что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью» [3, с.15]. Буржуазный путь неизбежно ведет к тому, что все в России, как и во всей Европе, кинутся в «индивидуализм», в «бегство от общественности», в «глухую и одинокую ночь». Такой путь был предложен Февральской революцией. Октябрьская революция совсем о другом.

Блок подчёркивает, что обращается он к интеллигенции, никак не к буржуазии, у которой всё просто и обусловлено сохранностью благосостояния. Автор статьи осуждает демагогию о душевности и душе, когда речь идет о восстановлении справедливости: «К чему загораживать душевностью пути к духовности? Прекрасное и без того трудно. А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию» [5, с. 20]. Революция сродни духу, душа притягивает к себе кровь, а дух

просветляет сознание, – утверждает Блок. Поэтому и в знаменитом финале знаковой блоковской поэмы «Двенадцать» появляется Иисус Христос как воплощение Духа, движения духа, освобождения духа – Иисус Христос, идущий впереди революционных колонн:

«... Так идут державным шагом,
Позади – голодный пёс,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос...» [2, с. 359].

Поэму «Двенадцать» А. Блок написал в январе 1918 года, практически по следам Октября. Писал он её, находясь в сердце революционных событий, в послереволюционном Петрограде, чей воздух, как и настроение поэта, были «наэлектризованы» революцией. Написание поэмы изначально вместилось в несколько дней, а для её окончательного завершения понадобился только месяц, в таком восторге Блок писал свои «Двенадцать». Вдохновение возникло сразу и мощно из гущи революционной жизни, которой был не только город переполнен, весь мир слышал о ней, прислушивался к её звукам.

«Двенадцать», которую Блок писал, согласно его собственным воспоминаниям, во «вьюжные» январские дни, – поэма о стихии революции, о её немыслимой силе, которая распространяется везде, на всех и вся, которая праведна и неминуема. Поэтому и Библейские реминисценции – 12 Апостолов – 12 красноармейцев и Иисус Христос впереди революционного шествия. Фигура Христа видна неясно, как пока ещё неясно и тревожно будущее в городе, пестреющем разным людом (богатая дама, священник, старухи, бывший красногвардеец Ванька, отказавшийся от правды революции ради кабаков и проститутки Катьки), столкновениями и драками. Однако само появление Спасителя указывает на правильный путь революции и на светлое будущее для тех, кто по нему пошёл. И хотя Блок по собственному признанию хотел изменить финал поэмы, сам удивляясь появлению в ней Иисуса Христа, но вчитываясь в свой текст, всматриваясь внутрь собственного вдохновения, поэт только убедился, что никак иначе произведение он завершить не сможет.

В некрологе «Умер Александр Блок», написанном В. Маяковским в 1921 году, автор пишет о творчестве Блока как о «поэтической эпохе», так как «славнейший мастер-символист оказал огромное влияние на всю современную поэзию» [12, с. 21]. Исключительно важным для Маяковского было то, «что Блок честно и восторженно подошел к нашей великой революции». Однако, по словам Маяковского, для Блока оказалось непосильным «выдержать и поднять ее тяжелые реальнейшие, грубейшие образы», сожжение его деревенской библиотеки тяжело отозвалось на

душевном состоянии поэта, который, по выражению Маяковского, «надорвался» на поэме «Двенадцать», полной противоречивых чувств по отношению к революции.

Однако по силам А. Блоку было одной небольшой поэмой объять колоссальное по охвату и содержанию своему событие, почувствовать правду революции, с силой настоящей антиципации увидеть будущее освобождение народа от всего того тёмного, что пока ещё есть и описано автором в начале поэмы, чем был наполнен старый дореволюционный Петербург, нелюбимый поэтом, который он воспринимал не только как чуждый, но и как враждебный человеку город. И самый главный символ поэмы – фигура Христа – выводит читателя за пределы завершённого произведения: в будущее, в свет, в движение, в развитие, к правде и справедливости, подтверждая, что революционный путь – единственно верный путь.

Не случайно темой многих отдельных исследований является отношение к революции Владимира Маяковского, поэта новой формации, нового времени, во всех смыслах художника-футуриста. Для Маяковского революция явилась мощнейшей силой, способной сконцентрировать в себе энергию общественных перемен, катализатором изменений жизни к лучшему, рычагом, запустившим процессы построения нового мира. Однако при этом поэт ясно видел и то, что революция – нелегкий путь, на котором неизбежны большие жертвы.

При этом сам Маяковский по духу своему, по содержанию и характеру своей личности был человеком деятельным, ищущим, революционным во всём – в словесном творчестве, в общественной и личной жизни. Маяковский предчувствовал революцию, желал и ждал её. По выражению Луначарского, поэт «гигантскими шагами шел навстречу революции», и это узнаваемо и понятно, поскольку иначе этот человек и не мог двигаться.

В революционную динамику Маяковский окунулся с 1918 года, когда принялся работать в «Окнах РОСТА». Поэт активно пропагандировал идеи большевиков. Пролетариат и революция стали настоящей страстной любовью Маяковского, а любить он умел самозабвенно. Поэма «Во весь голос», стихотворения «Октябрьский марш», «Ленин с нами», «Да или нет», «Молодая гвардия», «Марш комсомольца» и многие другие, рисунки и тексты для агитационных плакатов «Окон РОСТА» – все это бурлило внутри Маяковского и вокруг него, выливалось на страницы газет и журналов, на упаковки товаров народного потребления (например такие, как тексты, написанные Маяковским для оберток карамели «Красноармейская звезда»:

«Шире открой на Запад глаза:
с Запада может прийти гроза.
Чтоб враг не лез на республику в раже,
красноармейцы, стойте на страже!» [10, с. 302].

Маяковский жил, как горел, и сгорел в пламени собственных очень больших чувств. Чего стоят по силе высказанного внутреннего переживания одни только две последние строфы стихотворения «Революция»:

«Не трусость вопит под шинелью серую,
не крики тех, кому есть нечего;
это народа огромного громовое:
– Верую
величию сердца человеческого! –
Это над взбитой битвами пылью,
над всеми, кто грызся, в любви изверся,
днесь
небывалой сбывается былью
социалистов великая ересь!» [11, с. 140].

Поэзия В. Маяковского – целый мир. Мир художественный, авангардный, футуристический, повествующий о реальном мире, революционной реальности и о том неизведанном новом, что самой новизной своей вызывало много вопросов и требовало быстрых, но обдуманных решений и ответов на задания, привнесённые в жизнь временем. Одним из наиболее глубоких, пронзительных, трагических, но жизнеутверждающих произведений Маяковского является его стихотворение «Лена», посвящённое расстрелу рабочих во время забастовочных волнений в 1912 году, – стихотворение поистине шекспировского масштаба и по концентрации в нём смысла и эмоций, и по гениальному их воплощению в поэтической форме. Точнее, это даже не шекспировский размах, это размах Владимира Маяковского.

Всё стихотворение построено на ярких контрастах, как и контрастна жизнь двух антагонистических классов, присутствующих в нём. С одной стороны, «тысячи рабочих людей», проживающих «у жил драгоценной Лены», коллективный *рабочий*, который живёт хуже некуда:

«Роя
 золото
 на пятёрки и короны,
рабочий
 тощал
 голодухой и дырами» [8, с. 92].

С другой, – разжиревшие на непосильном труде рабочих масс питерские «бароны», убийца губернатор Бантыш и жандарм ротмистр Трещенко, которые непосредственно подавили протест одного из первых рабочих движений, буквально залив Лену кровью простых людей. Требования рабочих при этом не были невыполнимыми, всего лишь «капусты, получше мяса и работы 8 часов» [8, с. 92]. Директор предприятия, к которому обратились рабочие, нарочно всячески затягивал с ответом, поджидая войска от губернатора. А дальше в поэме возникают ощутимо болезненные образы скрипящего «сквозь снежную тишь» под скрипящими также са-

погами солдат льда, визг ротмистра Трещенко «пли», «в перчатке пальчик», указывающий солдатам на безоружных людей:

«И снова
в мишень
рабочего лба
жандармская
метится
лапа» [8, с.94]

Утром «жандарм упитан», выслуживаясь, спешит отчитаться перед начальством об успешном окончании кровавой миссии: «250 ранено, 270 убито». События, столь ярко отражённые Маяковским на страницах художественного текста, незамедлительно вызывают у читателя не просто возмущение, а подлинный гнев. И создаётся впечатление, что и сам он находится там, где после распространения «молвы о стрельбе причине» «становится завод сотый». И нет никаких сомнений в праведности восстания, и нет ему остановки, несмотря на те кровавые угрозы и преграды, с которыми уже столкнулись рабочие. Образы ревущего, бредущего по заводам горя, вызывающего к борьбе, красного флага над головами восставших, облитого «и ленскою кровью», победного пролетарского шага, вколотенного в мостовые города – одновременно реквием павшим и гимн революционного восстания:

«И горе	Шаг
ревя	вбивая
по заводам брело:	победный
– Бросьте	твой
покорности	
горы нести! –	в толщу
И день этот	уличных плит,
сломленный	помни,
был перелом,	что флаг
к борьбе перелом	над головой
от покорности.	и ленскою кровью
О Лене память	облит»
ни дни, ни года	[8, с. 96 - 97].
в сердцах	
не сотрут никогда.	

Яркие, бушующие образы, сила нравственного права и правды, стоящая за нарастающим рокотом революционного движения, звукопись и неровная, на пределе нерва явившаяся на бумаге, непослушная и свободная строка В. Маяковского формируют целостное впечатление от стихотворения как от грозного гимна рабочего движения, а река Лена, вобравшая в себя кровь убитых восставших предстаёт как образ вечной памяти борцам за свободу и достоинство человека.

В стихотворении «Ленин с нами» (1927 г.) поэт повествует об истории революционного движения, начиная с того момента, как «рабочий, впервые спрошенный, ещё нестройно отвечал: – Готов» и по прошествии десяти годов, когда «буржуй распластан, сброшенный», во главе страны «партия, строящая коммунизм», а власть – это «власть Советов» [9, с. 106]. «Недостижимое слово – «социализм» воплотилось в реальную жизнь, а за всем этим «езде и во всём имя Ленина», «его, Ильичёво, знамя». Десять лет – немалый срок, кардинальные изменения в жизни трудящихся произошли, а революционный шаг не замедляется – таков пафос стихотворения В. Маяковского «Ленин с нами», как и таких произведений, как «Ленинцы» (1930 г.), «Марш двадцати пяти тысяч» (1930 г.), написанный в честь движения рабочих 25-тысячников, и многих других произведений поэта

А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский, А. Вертинский, М. Волошин, А. Ахматова, Н. Гумилев, М. Цветаева. Каждое имя, каждая судьба художника с печатью гения, чья жизнь пришлась на начало новой эры, новой цивилизации, новых, привнесённых временем смыслов, продолжают оставаться источником познания содержания эпохи и вопросов вневременного, общечеловеческого характера.

Действительно, для великих поэтов начала революционного XX века революция явилась мощнейшим катализатором творчества, нравственного поиска и одновременно большим личностным испытанием и в силу своей неизведанности, многогранности и потрясающей динамичности, и из-за трагедии и крови, которые принёс с собой революционный перелом. Каждый был вовлечён в поиск правды, истины, справедливости и себя самого в реальности революционного бытия. Сопричастность новому зарождающемуся в совокупности с воспоминаниями о старой жизни, в которой было как зло, так и добро, неизбежная ностальгия об уходящей части своей молодости, той, что оставалась в минувшем, – всё это глубоко коснулось поэтов этого необычайно сложного периода и вызвало появление в пространстве новой русской культуры потрясающих поэтических произведений, обладающих магией значения вечности.

Библиографический список:

1. Блок А.А. Записные книжки 1901-1920 гг. // Собрание сочинений в восьми томах. Записные книжки. М.: Издательство «Художественная литература», 1965. – 664 с.
2. Блок А.А. Двенадцать // Собрание сочинений в восьми томах. Том третий. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С.347-359.
3. Блок А.А. Интеллигенция и революция // Собрание сочинений в восьми томах. Том шестой. Москва-Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С.9-20.
4. Есенин С. А. Анна Снегина // Собрание сочинений в пяти томах. Том третий. Москва, 1962. – С. 182 – 209.

5. Есенин С.А. Русь советская // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т.2. – Москва: «НАУКА» – «ГОЛОС», 1997. – С. 94-97.
6. Есенин С.А. Русь уходящая // Полное собрание сочинений: в 7 т. Т.2. – Москва: «НАУКА» – «ГОЛОС», 1997. – С. 102-106.
7. Зоргенфрей В.А. Александр Александрович Блок// Записки мечтателей, 1922. № 6. – С.123-154.
8. Маяковский В. В. Лена // Стихотворения. – Ставрополь: КН. ИЗД-ВО, 1980. – С. 91-97.
9. Маяковский В. В. Ленин с нами // Стихотворения. – Ставрополь: КН. ИЗД-ВО, 1980. – С. 102-108.
10. Маяковский В.В. Моссельпром // Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Том 5. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – С. 285-311.
11. Маяковский В.В. Революция // Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Том 1. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – С. 134-140.
12. Маяковский В.В. Умер Александр Блок// Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Том 12. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – С. 21-22.

References:

1. Blok A.A. Zapisny`e knizhki 1901-1920 gg. // Sobranie sochinenij v vos`mi tomax. Zapisny`e knizhki. M.: Izdatel`stvo «Xudozhestvennaya literatura», 1965. – 664 s.
2. Blok A.A. Dvenadczat` // Sobranie sochinenij v vos`mi tomax. Tom tretij. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel`stvo xudozhestvennoj literatury`, 1962. – S.347-359.
3. Blok A.A. Intelligenciya i revolyuciya // Sobranie sochinenij v vos`mi tomax. Tom shestoj. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel`stvo xudozhestvennoj literatury`, 1962. – S.9-20.
4. Esenin S. A. Anna Snegina // Sobranie sochinenij v pyati tomax. Tom tretij. Moskva, 1962. – S. 182 – 209.
5. Esenin S.A. Rus` sovetskaya // Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t. T.2. – Moskva: «NAUKA» – «GOLOS», 1997. – S. 94-97.
6. Esenin S.A. Rus` uxodyashhaya // Polnoe sobranie sochinenij: v 7 t. T.2. – Moskva: «NAUKA» – «GOLOS», 1997. – S. 102-106.
7. Zorgenfrej V.A. Aleksandr Aleksandrovich Blok// Zapiski mechtatelej, 1922. № 6. – S.123-154.
8. Mayakovskij V. V. Lena // Stixotvoreniya. – Stavropol`: KN. IZD-VO, 1980. – С. 91-97.
9. Mayakovskij V. V. Lenin s nami // Stixotvoreniya. – Stavropol`: KN. IZD-VO, 1980. – С. 102-108.
10. Mayakovskij V.V. Mossel`prom // Polnoe sobranie sochinenij v 13-ti tomax. Tom 5. – M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo xudozhestvennoj literatury`, 1957. – S. 285-311.
11. Mayakovskij V.V. Revolyuciya // Polnoe sobranie sochinenij v 13-ti tomax. Tom 1. – M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo xudozhestvennoj literatury`, 1955. – S. 134-140.
12. Mayakovskij V.V. Umer Aleksandr Blok// Polnoe sobranie sochinenij v 13-ti tomax. Tom 12. – M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo xudozhestvennoj literatury`, 1959. – S. 21-22.

УДК 7.091.4+316.722

М. Д. Окорок

(аспирант)

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

(г. Москва, РФ)

М. И. Страхова

(ведущий специалист по связям с общественностью

Центра проектного менеджмента в культуре, спорте и туризме)

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

(г. Москва, РФ)

**ФЕСТИВАЛЬ КАК ФОРМА НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА:
ОТ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ
К СОЗДАНИЮ НОВОГО ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ**

***Аннотация.** В статье исследуется роль молодежных фестивалей как инструмента продвижения региона посредством актуализации его культурного наследия. Рассмотрены теоретические аспекты, включающие понятия культурного наследия, региональной идентичности и брендинга территорий. Особое внимание уделяется анализу механизмов воздействия молодежных фестивалей на популяризацию культурного наследия и формированию позитивного имиджа региона. На примере фестиваля «Созвездие-Йолдызлык» в Республике Татарстан и фестиваля «Александровская крепость» в Краснодарском крае продемонстрирована практическая эффективность молодежных фестивалей как инструмента реализации региональной культурной политики, направленной на развитие туризма, привлечение инвестиций и повышение узнаваемости территории.*

***Ключевые слова:** молодежные фестивали, народное творчество, продвижение региона, культурное наследие, брендинг территорий, культурная политика, «Созвездие-Йолдызлык», «Александровская крепость»*

M. D. Okorokov

(graduate student)

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russian Federation)

M. I. Strakhova

(Leading Public Relations Specialist of the Project Management

Center for Culture, Sports, and Tourism)

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russian Federation)

**THE FESTIVAL AS A FORM OF FOLK ART:
FROM HERITAGE PRESERVATION
TO CREATE A NEW IMAGE OF THE TERRITORY**

***Abstract.** The article examines the role of youth festivals as a tool for promoting a region by updating its cultural heritage. Theoretical aspects, including the concepts of cultural herit-*

age, regional identity and territorial branding, are considered. Particular attention is paid to the analysis of the mechanisms of the impact of youth festivals on the popularization of cultural heritage and the formation of a positive image of the region. The practical effectiveness of youth festivals as a tool for implementing regional cultural policy aimed at developing tourism, attracting investment and increasing recognition of the territory is demonstrated using the example of the Constellation-Yoldyzlyk festival in the Republic of Tatarstan and the Aleksandrovskaya Fortress festival in Krasnodar Region.

Keywords: youth festivals, regional promotion, cultural heritage, territorial branding, cultural policy, Constellation-Yoldyzlyk, Aleksandrovskaya Fortress

В современных условиях субъекты Российской Федерации все чаще обращаются к своему культурному наследию для формирования позитивного имиджа и повышения узнаваемости, в связи с усилением конкуренции между регионами за туристические потоки, инвестиции и молодые кадры.

Развитие регионов – ключевое направление государственной политики Российской Федерации. Подтверждением служит Конституция РФ, Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24.12.2014 N 808), Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 N 1666) и другие нормативно-правовые документы Российской Федерации [1, 4, 5, 6].

Особым инструментом его продвижения являются молодежные фестивали. Эти мероприятия становятся площадкой для демонстрации национальных традиций, фольклора и искусства, что помогает участникам осознать свою принадлежность к культуре своей страны и гордиться ей. В эпоху глобализации подобные события становятся важным механизмом презентации уникального культурного наследия своего региона, делая его привлекательным для окружающих.

В настоящее время наблюдается значительный интерес к фестивальной деятельности как со стороны государственных органов, так и со стороны частных организаций. Этот интерес объясняется стремлением создать положительный имидж страны, укрепить международное сотрудничество и расширить доступность культурных услуг. Фестивали становятся одним из наиболее эффективных инструментов для демонстрации культурного потенциала, особенно среди молодежи. Каждый год количество и разнообразие таких мероприятий растет, а их география расширяется, что свидетельствует о высокой востребованности данного формата.

В соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 N73-ФЗ (ред. От 04.08.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (Статья 3): «Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации - это находящиеся на территории Российской Федерации объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культу-

ры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [4].

Согласно Конвенции об охране нематериального культурного наследия (Париж, 17 октября 2003 г.) под «нематериальным культурным наследием» понимаются: «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также, связанные с ним инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от их взаимодействия с окружающей средой, с природой и их историей, и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчества человека» [2].

В связи с этим можно сделать вывод, что «культурное наследие» – собирательное понятие, которое включает в себя материальные объекты и нематериальные проявления человеческой деятельности, обладающие исторической, художественной, научной, или иной культурной ценностью и передаваемые от поколения к поколению, формируя идентичность и память общества.

Культурное наследие играет важную роль в формировании гражданской идентичности и укреплении социальной сплоченности. Жители, осознавая свою принадлежность к определенной территории, объединены общей историей, культурой и ценностями. Наследие становится своего рода «культурным кодом», который позволяет идентифицировать регион, отличать его от других и формировать чувство общности среди его жителей. Памятники архитектуры, исторические события, местные традиции и обычаи создают неповторимый образ территории, придают ей уникальность и привлекательность как для самих жителей, так и для туристов.

Особую роль в продвижении региона играют молодежные фестивали в сфере культуры, которые способствуют не только популяризации культурного наследия, но и мощным коммуникативным эффектам, способным создавать устойчивый позитивный образ региона, активизировать основной ресурс сообщества и привлечь внешний интерес. Организация и продюсирование таких мероприятий становятся важной частью региональной культурной политики, требующей профессионального взаимодействия, стратегического планирования и межведомственного взаимодействия.

В научной литературе представлен широкий спектр трактовок понятия «фестиваль». В данной статье рассмотрим ряд наиболее распространенных. В Большом энциклопедическом словаре фестиваль определяется как: «Фестиваль (франц.

festival, от лат. Festivus – праздничный), массовое празднество, показ (смотр) достижений музыкального, театрального, эстрадного, циркового или киноискусства» [12].

Другое определение дает Толковый словарь Ожегова: «Фестиваль - широкая общественная праздничная встреча, сопровождающаяся смотром достижений каких-либо видов искусства. Само слово происходит от лат. festivus - «праздничный» и означает массовое празднество, показ (смотр) достижений (плодов) какого-либо вида деятельности людей» [11].

Истоки фестивалей уходят корнями в античность, поэтому к первым фестивалям можно отнести театральные постановки и спортивные соревнования, такие как Олимпийские игры. По мнению исследователей, уже в VII веке до н. э. на Олимпийских играх своё мастерство демонстрировали исполнители песен и музыки, а также поэты. Они вносили свой вклад в создание неповторимой атмосферы праздника и были не менее знамениты, чем участники спортивных состязаний. Среди прообразов современных фестивалей можно выделить Пифийские игры, которые проводились с 590 года до н. э. Они считались одним из самых масштабных общенациональных праздников у древних греков и были посвящены Аполлону Пифийскому. Также к истокам фестивалей можно отнести карнавалы. По мнению М. М. Бахтина, карнавалы были проявлением народной смеховой культуры, где преобладали театрализация, переодевания и использование масок, костюмов. Карнавалы были массовым и культурным событием [3].

Фестивали как форма культурного выражения получили широкое распространение в эпоху Нового времени. Именно в XVIII веке началось активное развитие подобных мероприятий в странах Западной Европы, таких как Швейцария, Великобритания и Австрия. На этих ранних этапах музыкальные фестивали чаще всего были посвящены исполнению ораторий – крупных вокально-симфонических произведений, пользовавшихся особой популярностью у слушателей того времени.

Среди исследователей нет единого мнения относительно точной даты зарождения фестивального формата в его современном понимании, однако большинство склоняется к тому, что первым значимым событием стал музыкальный фестиваль, прошедший в Лондоне. Это событие стало важным прецедентом и вдохновило другие страны на создание аналогичных проектов. Так, в 1772 году в Вене состоялся первый международный музыкальный фестиваль, где прозвучали произведения выдающихся композиторов своего времени – Иосифа Гайдна, Христора Глюка и молодого Вольфганга Амадея Моцарта.

Постепенно фестивальная практика стала более специализированной: начали формироваться мероприятия, целиком посвящённые творчеству конкретных авторов. Такие фестивали стали проводиться в разных странах мира. Например, в 1810 году впервые был организован фестиваль, посвящённый наследию Франца Шубер-

та, а спустя шесть десятилетий, в 1876 году, состоялось первое издание мероприятия, посвящённого композиторскому наследию Рихарда Вагнера. Одним из самых известных примеров такого рода стало проведение Зальцбургского фестиваля, который со временем превратился не только в символ австрийской культуры, но и в одно из ведущих мировых событий в области музыкального искусства.

Конец XIX века стал переломным моментом в истории фестивального движения. Именно тогда были заложены основы для тех фестивалей, которые остаются актуальными и сегодня. С середины XIX века начинается активное развитие фестивальной культуры и за пределами Европы – в Соединённых Штатах Америки. Первый подобный проект был реализован в Бостоне. К началу XX века фестивали приобрели международный характер и стали проводиться на всех континентах без исключения.

В отечественной практике музыкальные фестивали начали развиваться значительно позже. Первое мероприятие подобного масштаба состоялось в 1939 году в Ленинграде. По историческим меркам это было сравнительно позднее начало, однако именно с этого момента началась постепенная интеграция России (а затем и Советского Союза) в общемировую фестивальную среду. Изначально доминирующее положение занимали музыкальные фестивали, ставшие отправной точкой для дальнейшего развития фестивального движения в стране.

Сегодня фестивальное движение развивается стремительными темпами как на международном уровне, так и в отечественной культурной практике. Фестивали перестали быть исключительно городским явлением – они активно внедряются в региональную среду, становясь важным элементом культурной жизни не только крупных мегаполисов, но и небольших населенных пунктов. Таким образом, фестивали занимают одно из центральных мест в системе культурных коммуникаций и общественного взаимодействия.

Исследователь А. М. Меньшиков предлагает систематизировать фестивали искусств на основе их тематической направленности:

- универсальные, которые охватывают несколько видов искусств;
- специализированные, по одному виду искусств;
- монографические, посвященные одному автору, композитору или актеру;
- тематические, посвященные определенному жанру, эпохе или направлению;
- узконаправленные, детские или молодежные.

Также фестивали различаются:

- по времени проведения: краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные.
- по территории охвата: международные, региональные, республиканские, всероссийские;

- по составу участников: фестивали профессионалов в культурной сфере, детские или молодежные фестивали.
- по типу институциональной поддержки: в зависимости от инициаторов проведения фестиваля (государственные структуры, частные и общественные фонды, меценаты, спонсоры) [8].

Классификация фестивалей может основываться и на других признаках. Однако уже упомянутых достаточно, чтобы показать разнообразие его современных форм.

Любое фестивальное мероприятие обладает многофункциональным характером. Оно не ограничивается развлекательной функцией, а выполняет важную социальную миссию. Одной из ключевых задач фестиваля является сохранение и продвижение культурного наследия страны, укрепление её историко-культурной идентичности. Проведение масштабных фестивалей способствуют формированию положительного международного имиджа государства, подчеркивая его уважение к традициям и активное многообразие культур народов, населяющих страну.

В данной статье особое внимание уделяется молодежным фестивалям в сфере культуры, так как одной из главных задач государства является культурно-эстетическое и нравственное развитие детей и молодежи, потому что именно подрастающему поколению предстоит в будущем не только сохранить достигнутый уровень развития во всех сферах деятельности, но и добиться новых, более высоких результатов. А это, бесспорно, по силам только всесторонне развитому и духовному и нравственному поколению. Как писал Максим Горький: «Дети – это завтрашние судьи наши», – подчеркивая прямую связь между воспитанием детей и будущим страны [7].

В Республике Татарстан последовательно реализуется стратегия воспитания творческой элиты и продвижения имиджа региона. Значимым шагом в этом направлении стало создание Республиканского фестивального движения «Созвездие-Йолдызлык», призванного вовлечь одарённую молодёжь республики в активную творческую деятельность. Инициатива берёт своё начало с I Гражданского форума, прошедшего в 2001 году. По итогам форума представители творческих организаций Татарстана предложили президенту Республики Татарстан М.Ш. Шаймиеву реализовать творческий проект республиканского фестиваля эстрадного искусства – продукт гражданского общества Татарстана.

Инициатива получила поддержку на высшем уровне Президента Российской Федерации В.В. Путина. Основными целями проекта стали:

1. Создание равных возможностей для развития и реализации творческого потенциала детей и молодежи, независимо от степени их материальной обеспеченности и места проживания (город/село).

2. Сохранение нравственных традиций великой культуры многонационального Татарстана.

3. Формирование полноценного креативного класса в Республике Татарстан.

4. Противоборство с оттоком творческих кадров путем создания полноценной инфраструктуры, рабочих мест для творческих работников и условий для производства творческого продукта мирового уровня.

В целях создания системы поддержки творчески одарённых детей и молодёжи в мае 2003 года Премьер-министром Республики Татарстан Р.Н. Миннихановым было подписано распоряжение № 672-р о создании при Министерстве по делам молодёжи, спорта и туризма Республиканского центра поддержки творчески одарённых детей и молодёжи «Созвездие-Йолдызлык». Важным этапом реализации данной стратегии стал Указ Президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева о создании Совета при Президенте РТ. Сегодня это движение представляет собой мероприятия круглогодичного цикла, направленные на сопровождение одарённых детей и молодёжи, а также развитие профессионального потенциала педагогов и специалистов в сфере культуры. В 2007 году проект фестиваля «Созвездие - Йолдызлык» удостоен престижной Республиканской премии имени Мусы Джалиля. В 2009 году фестиваль получил Национальную премию общественного признания «Семья России» в номинации «Социальное партнерство» за разработку и внедрение комплексной программы поддержки детского и юношеского творчества [10].

Фестиваль, охватывающий более 70 000 участников ежегодно, вырос из локального мероприятия в значимое культурное явление федерального масштаба. Статус Брендового проекта государственной молодёжной политики Республики Татарстан (2009) закрепил его в системе региональных и всероссийских культурных инициатив.

Фестиваль «Созвездие-Йолдызлык» выступает эффективным инструментом продвижения Республики Татарстан, о чем свидетельствует детальный анализ. Фестиваль способствует развитию талантов, сохранению культурного наследия и формированию позитивного имиджа региона, привлекая туристов. Статус брендового проекта молодёжной политики подтверждает его значимость, а комплексный подход, включающий культурные, образовательные и социальные цели, способствует устойчивому развитию Республики Татарстан, что подтверждается признанием на региональном и федеральном уровнях.

Рассмотрим конкурс-фестиваль «Александровская крепость» фонда «Вольное дело» Олега Дерипаски. Фонд, организующий данное мероприятие существует с 1998 года и решает социально значимые проблемы, поддерживает отечественное образование и науку, содействует сохранению культурно-исторического наследия России. Фестиваль «Александровская крепость» посвящен казачьей культуре и является итоговым мероприятием одноименного конкурса казачьей песни. Он проводится с 2019 года в хуторе Аргатов, Усть-Лабинского района Краснодарского края

и называется в честь памятника истории, крепости XVIII века. Ежегодно в конкурсе исполнителей принимают участие порядка двухсот музыкальных коллективов, по всему хутору проводятся мастер-классы, посвященные казачьим народным промыслам, показываются спектакли народных театров, выпускники и студенты театральных вузов показывают этюды, проходят исторические реконструкции, завершается же фестиваль концертом популярных музыкантов, чье творчество тесно связано с народной культурой. Все эти мероприятия привлекают не только местных жителей, среди двадцати тысяч посетителей в 2024-м году значительная часть приехала из других регионов, также восемнадцать зрителей могли наблюдать за мероприятиями фестиваля через онлайн-трансляцию. Тем самым, фестиваль привлекает туристов в Краснодарский край, а также популяризирует его культуру среди тех, кто еще не посетил этот регион России.

Основной целью данного мероприятия является не только просвещение, культурное развитие населения Краснодарского края и сохранение культурного наследия, но и продвижение локальной культуры, развитие туристической отрасли региона и формирование его позитивного имиджа

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что молодежные фестивали являются эффективным инструментом продвижения региона, используя потенциал культурного наследия. Они не только способствуют популяризации традиций и формированию культурной идентичности, но и оказывают значительное влияние на создание положительного имиджа региона, развитие туризма и привлечение инвестиций. Фестиваль «Созвездие-Йолдызлык» в Республике Татарстан, благодаря четкой стратегии, поддержки со стороны власти и активному вовлечению молодежи и фестиваль «Александровская крепость» в Краснодарском крае, в Усть-Лабинском районе представляют собой успешные примеры реализации данного подхода. Результаты анализа позволяют рекомендовать активное использование молодежных фестивалей как эффективный инструмент региональной культурной политики, направленный на устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности территории.

Библиографический список:

1. Анисимова О.Л. Музыкальный фестиваль в трансляции национального музыкального наследия // Наука. Искусство. Культура. – 2024. – №1 (41). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-festival-v-translyatsii-natsionalnogo-muzykalnogo-naslediya> (дата обращения: 16.06.2025).
2. Антонова Е.Л. Музыкальная инноватика в контексте национальных доминант российской молодежи // Наука. Искусство. Культура. – 2024. – №1 (41). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnaya-innovatika-v-kontekste-natsionalnyh-dominant-rossiyskoy-molodyozhi> (дата обращения: 16.06.2025).

3. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Просвещение, 1990.
4. Большой энциклопедический словарь // Vedu.ru : [сайт]. — URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/66438/> (дата обращения: 11.06.2025).
5. Горький М. Цитата // Цитаты.info : [сайт]. — URL: <https://citaty.info/quote/2232> (дата обращения: 17.06.2025).
6. Григорьева Е.И. Опыт приобщения студенческой молодежи к основам народной художественной культуры // Социально-экономические явления и процессы. — 2014. — №12. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-priobscheniya-studencheskiy-molodezhi-k-osnovam-narodnoy-hudozhestvennoy-kultury> (дата обращения: 16.06.2025).
7. Конституция Российской Федерации. Статья 1 : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 11.06.2025).
8. О мерах по поддержке республиканского фестивального движения «Созвездие-Йолдызлык» : Указ Президента Республики Татарстан от 29 апреля 2006 г. № УП -165 // Официальный портал Республики Татарстан : [сайт]. — URL: <http://tatarstan.ru/> (дата обращения: 14.06.25)
9. О Фонде [Электронный ресурс] // Вольное Дело. — URL: <https://volnoedelo.ru/about/> (дата обращения: 17.06.2025).
10. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон от 25.06.2002 N73-ФЗ (ред от 04.08.2023).// Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/>
11. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка // slovarozhegova.ru : [сайт]. — URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33788> (дата обращения: 11.06.2025).
12. Фестиваль «Александровская крепость» на Кубани увидели более 200 тыс. человек // UST-FEST.RU : [сайт]. — URL: <https://ust-fest.ru/news/festival-aleksandrovskaya-krepost-na-kubani-uvideli-bolee-200-tys-chelovek/> (дата обращения: 17.06.2025).
13. Яшин И. И. Этнокультурные фестивали и этнопарки как инструмент духовно-нравственного воспитания молодежи // Этнодиалоги. — 2021. — №1 (63). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-festivali-i-etnoparki-kak-instrument-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-molodezhi> (дата обращения: 07.04.2025).

References:

1. Anisimova O.L. Muzy`kal`ny`j festival` v translyacii nacional`nogo muzy`kal`nogo naslediya // Nauka. Iskusstvo. Kul`tura. — 2024. — №1 (41). — URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnyy-festival-v-translyatsii-natsionalnogo-muzykalnogo-naslediya> (data obrashheniya: 16.06.2025).
2. Antonova E.L. Muzy`kal`naya innovatika v kontekste nacional`ny`x dominant rossijskoj molodezhi // Nauka. Iskusstvo. Kul`tura. — 2024. — №1 (41). — URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnaya-innovatika-v-kontekste-natsionalnyh-dominant-rossiyskoy-molodyozhi> (data obrashheniya: 16.06.2025).
3. Baxtin M.M. Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa. – M.: Prosveshhenie, 1990.
 4. Bol'shoj e`nciklopedicheskij slovar` // Vedu.ru : [sajt]. – URL: <http://www.vedu.ru/bigencdic/66438/> (data obrashheniya: 11.06.2025).
 5. Gor`kij M. Citata // Citaty`.info : [sajt]. – URL: <https://citaty.info/quote/2232> (data obrashheniya: 17.06.2025).
 6. Grigor`eva E.I. Opy`t priobshheniya studencheskij molodezhi k osnovam narodnoj xudozhestvennoj kul'tury` // Social'no-e`konomicheskie yavleniya i processy`. – 2014. – №12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-priobscheniya-studencheskiy-molodezhi-k-osnovam-narodnoy-hudozhestvennoy-kultury> (data obrashheniya: 16.06.2025).
 7. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Stat`ya 1 : [prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.] // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii [sajt]. – URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (data obrashheniya: 11.06.2025).
 8. O merax po podderzhke respublikanskogo festival'nogo dvizheniya «Sozvezdie-Joldy`zly`k» : Ukaz Prezidenta Respubliki Tatarstan ot 29 aprelya 2006 g. № UP - 165 // Oficial`ny`j portal Respubliki Tatarstan : [sajt]. – URL <http://tatarstan.ru/> (data obrashheniya: 14.06.25)
 9. O Fonde [E`lektronny`j resurs] // Vol`noe Delo. – URL: <https://volnoe-delo.ru/about/> (data obrashheniya: 17.06.2025).
 10. Ob ob`ektax kul`turnogo naslediya (pamyatnikax istorii i kul'tury`) narodov Rossijskoj Federacii : Federal`ny`j zakon ot 25.06.2002 N73-FZ (red ot 04.08.2023).// Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii URL: <http://pravo.gov.ru/>
 11. Ozhegov, S.I. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka // slovarozhegova.ru : [sajt]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33788> (data obrashheniya: 11.06.2025).
 12. Festival` «Aleksandrovsкая krepost`» na Kubani uvideli bolee 200 ty`s. chelovek // UST-FEST.RU : [sajt]. – URL: <https://ust-fest.ru/news/festival-aleksandrovsкая-krepost-na-kubani-uvideli-bolee-200-tys-chelovek/> (data obrashheniya: 17.06.2025).
 13. Yashin I. I. E`tnokul`turny`e festivali i e`tnoparki kak instrument duxovno-nravstvennogo vospitaniya molodezhi // E`tnodialogi. – 2021. – №1 (63). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-festivali-i-etnoparki-kak-instrument-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-molodezhi> (data obrashheniya: 07.04.2025).

ОБРАЗЕЦ
ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 130.2

Н. П. Рагозин

(к. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика - РФ)

E-mail: nragozin@inbox.ru

ОБРАЗЫ ТРАДИЦИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Автор связывает формирование основ теоретического понимания традиции с материалистическим пониманием истории К. Маркса, с его трактовкой общества как органической системы производства и воспроизводства человека во всём богатстве его общественных отношений.

Ключевые слова: традиция как форма преемственности, общество как органическая система, традиция как производство и воспроизводство общественной жизни.

N. P. Ragozin

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National Technical University
(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: nragozin@inbox.ru

IMAGES OF TRADITION IN THEORETICAL CONSCIOUSNESS

Abstract. The author connects formation of the basis of theoretical comprehension of tradition with Marx's materialistic understanding of history, with his interpretation of society as an organic system including the process of production and reproduction in its full variety of social relationships.

Key words: tradition as a form of succession, theoretical images of tradition, society as an organic system, tradition as production and reproduction of social life.

Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...
Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ... Текст статьи ...

Библиографический список:

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. Т. 2. Сост., общая ред. А.Л. Субботина. – М.: Наука, 1978, С. 5-222.
2. Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польского / Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. – М.: РОССПЭН, 2004. – 480 с.
4. Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955, Т.1. – С. 85-92.
5. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под редакцией А. Б. Гофмана. – М.: РОССПЭН, 2008. – 543 с.

References:

1. Behkon F. Novyj Organon // Behkon F. Soch. v 2-kh tt. T. 2. Sost., obshchaya red. A.L. Subbotina. – M.: Nauka, 1978, S. 5-222.
2. Shackij E. Utopiya i tradiciya: Per. s pol'skogo / Obshch. red. i poslesl. V. A. Chalikovej. – M.: Progress, 1990. – 456 s.
3. Mejneke F. Vozniknovenie istorizma / Per. s nem. – M.: ROSSPEHN, 2004. – 480 s.
4. Marks K. Filosofskij manifest istoricheskoy shkoly prava // Marks K., Ehngel's F. Soch., 2-e izd. – M.: Politizdat, 1955, T.1. – S. 85-92.
5. Tradicii i innovacii v sovremennoj Rossii. Sociologicheskij analiz vzaimodejstviya i dinamiki / Pod redakciej A. B. Gofmana. – M.: ROSSPEHN, 2008. – 543 s.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ISSN 2522-9788